

Г.П. Меньчиков

Детерминизм ХХІ: проблемы и решения

Москва – 2015

УДК 130.3
ББК 87
М 51

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Н.М. Солодухо*,
доктор философских наук, профессор *Э.А. Тайсина*,
доктор философских наук, профессор *М.Д. Щелкунов*

Меньчиков Г.П.

М 51 Детерминизм XXI: проблемы и решения. – М.:
Спутник +, 2015. – 96 с.

ISBN 978-5-9973-3326-3

В данной работе эксплицируется часть итогов разработки неоклассической стадии развития философии – общефилософская сущность детерминизма. Обосновываются три типа детерминизма: классический (линейный); неклассический (нелинейный); и неоклассический (фрактальный) – современный третий тип детерминизма. Последний тип разрабатывается впервые. Основанием их типизации является изменение представлений о мироздании на различных этапах развития мировой философии – классической, неклассической и неоклассической.

Рассчитана по дисциплине философия (онтология и теория познания, философия культуры, философская антропология) на научных работников, аспирантов, преподавателей, студентов. Кроме того, чтобы руководить, компетентно управлять необходимо разбираться в детерминационных зависимостях.

УДК 130.3
ББК 87

ISBN 978-5-9973-3326-3

© Меньчиков Г.П., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Постановка проблемы..... 4

**Часть I. Проблема детерминизма: стратегии и тактики её
решения. Три типа детерминизма. Фрактальный детерминизм.... 7**
Классический (линейный)..... 7
Неклассический (нелинейный)..... 12
Неоклассический (фрактальный) 16

**Часть II. Проблема детерминизма: обоснование сущности
фрактального детерминизма и форм детерминаций 26**
Глубинные основания детерминизма 27
Систематизация форм детерминаций..... 33
Причина, условие, среда; связь состояний 37
Среда 38
Условие..... 40
Причина – ядро детерминизма..... 42
Связь состояний 46

**Часть III. Проблема детерминизма: сущность и специфика
духовной детерминации 60**
Об источнике («каузальности») духовной детерминации..... 61
К определению, что есть «Дух» 61
Феномен обратной каузальности..... 64
Эффект резонансной активности 66
Отражение отражений, образы образов..... 69
Когнитивные формы детерминаций..... 71
Идеальная детерминация 72
Информационная детерминация..... 72
Репрезентационная детерминация 73
Целевая детерминация..... 74
Некогнитивные формы детерминаций..... 75
Гормическая (желания) детерминация..... 76
Экзистенциальная детерминация 77
Идеаторная детерминация..... 80
Идеомоторная детерминация 81
Императивная детерминация 82

Заключение..... 93

Summary..... 95

Постановка проблемы

Интерес к разработке проблемы детерминизма последние десятилетия оттеснился другими проблемами философии. Однако принцип детерминизма не из тех, чтобы дать себя забыть. Не случайно К.Г. Юнг в комментариях к тибетской «Книге мертвых» заметил, что без опоры на принцип детерминизма наука перестаёт быть наукой. «Наука детерминистична... без него она не могла бы существовать», справедливо считает и А. Пуанкаре. В силу своей методологической значимости детерминизм есть одна из фундаментальных проблем, которая заставляет себя помнить, разрабатывать обогащать и оттачивать свое содержание. Наше обращение к проблеме детерминизма вызвано тем, что в современной неоклассической философии происходят немалые «переоткрытия», начинаются они и в сущности детерминизма [1]. Кроме этого, для разработки социогуманитарной проблематики особенно нужна современная детерминистская методология, а существующее положение в проблематике детерминизма нас не устраивает.

Исследования в области детерминизма приводят к следующим обобщениям. Несмотря на продвижения после «лапласовского детерминизма», признание президента Международного союза математики сэра Лайтхила о детерминизме в 1986 году (!) можно назвать экстраординарным, но все еще справедливым. От имени коллег ученых он извинился за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией» [2]. Справедливым потому, что помимо некоторых частичных продвижений еще не решены *исходные* вопросы детерминизма: пока не сложилось удовлетворительного понимания *общефилософской* сущности детерминизма, отсутствует *система* типов и форм детерминизма, недостаточно объяснен «механизм» *самодетерминации*. А без этого применение детерминационного

подхода в конкретных областях знания оказывается малоэффективным и даже способным провоцировать ложные решения. Рядом авторов отмечается, что с особой остротой это ощущается при анализе социальных и духовно-культурных явлений. В этой области провозглашается даже «смерть детерминизма» (XVII Всемирный социологический конгресс. Гетеборг, Швеция, 2010). Нельзя не согласиться с тем, что в последнее столетие «усилились тенденции к истолкованию детерминизма как периферийного понятия» и «в худшем случае полный отказ от блока детерминистских понятий в различных версиях посмодернизма и индетерминизма». Хотя, словно отвечая подобной тенденции, например, А. Эйнштейн заметил, что он предпочел бы стать «сапожником или крупье в игорном доме, нежели физиком», если бы ему пришлось отказаться от строгой причинности [2].

Понимание сущности, содержания и значения принципа детерминизма является исключительно важным. Дело в том, что детерминизм связан с самыми коренными вопросами мироздания, в том числе и с креационистски поставленными. К таковым в детерминизме, по-видимому, относятся две группы самых фундаментальных вопросов.

Первая. В чем *причины* активности мироздания? Каково *происхождение* мироздания; кто, что его создал(о); или это некорректно поставленный сам вопрос? Есть ли всемогущий *рациональный* калькулятор и существует ли всеобщий неукоснительный прогресс мироздания? Материя – это инертный объект? А если нет, то в чем причины, источник ее активности? Да и что такое детерминация, детерминированность в детерминизме. Каково соотношение детерминизма и индетерминизма, в чем они правы и неправы. Существует ли «религиозный детерминизм»?

Вторая. Каков «механизм» детерминированности: что такое внутреннее и внешнее, каково в нем соотношение внешнего и внутреннего, порядка и хаоса, необходимости и случайности, неслучайной случайности и стихийной случайности, части и целого, малого и большого в детерминации конечных явлений

бытия? Каково многообразие форм детерминаций и их критериев? Каково соотношение предсказуемости и непредсказуемости, прогресса и развития, прогнозируемости и непрогнозируемости ситуаций бытия, которые так или иначе детерминируемы?

Ясно, что на подобные вопрошания были и существуют разные ответы. Подчас противоположные, подчас опирающиеся не на факты, а на «события» или на «предположим что», подчас на искренние паралогизмы, на нечаянные подмены тезисов, способные по факту дезориентировать стратегию и тактику поведения человека, групп и общностей людей, человечества. Наша задача другая, подойти к ответу на них с позиций неоклассической стадии развития философии.

Сам поиск *общефилософской концепции детерминизма* понемногу осуществляется. Происходит он через преодоление долголетнего растворения детерминизма в причинности. В специальных работах по детерминизму [3] авторы едины в том, что детерминизм шире причинности и несводим к ней, но в понимании самого общефилософского детерминизма существует подмена частью целого. Наблюдается стремление найти некоторую систему и осмыслить уже известные формы детерминизма, но этому мешает опять то, что ещё не осознан сущностный признак детерминизма, который пронизывал бы все его разновидности, не ломая всякий раз общефилософское представление о детерминизме. Цель данной работы, состоящей из нескольких частей, попытаться разработкой общефилософской сущности детерминизма помочь устранить этот недостаток. Поскольку возникает риторический вопрос: как исправить существующее положение вещей с детерминизмом, с принципом детерминизма.

Часть 1. Проблема детерминизма: стратегии и тактики её решения. Три типа детерминизма. Фрактальный детерминизм

В данном разделе работы эксплицируется часть итога разработки неоклассической философии – концепт общефилософской сущности детерминизма. Обосновываются три типа детерминизма с их концепциями: классический (линейный); неклассический (нелинейный); и неоклассический (фрактальный) – современный третий тип детерминизма, который формируется в последнюю четверть XX – начало XXI века. Последний, фрактальный детерминизм, опираясь на синергетическую картину мира, постулируется и развивается впервые. Основанием их типизации являются стадии развития мировой философии – классическая, неклассическая и неоклассическая

Ключевые слова: неоклассическая философия; картины мира; общефилософская сущность детерминизма; три типа детерминизма; фрактальный детерминизм; эмерджентность; клинамен; аутопоэзис; интерфейс; рекурсия.

Исследования данной проблемы показывают, что существует не просто несколько точек зрения, а *типы* концептуальных пониманий сущности детерминизма. Исторически они появились в разное время, но все бытийствуют, действуют, подчас мешая друг другу. Их осмысление обнаруживает *три типа детерминизма: классический (линейный); неклассический (нелинейный); и неоклассический (фрактальный)* – современный третий тип детерминизма, который ещё формируется в последнюю четверть XX – начало XXI века. Фундаментальным основанием их типизации являются стадии развития мировой философии – классическая, неклассическая и неоклассическая [4].

* * *

В классическом линейном типе детерминизма существуют несколько похожих концепций. Они базируются на классическом мировоззрении и методологии – на том, что мироздание

есть *закрытая* система; оно *создано*; Абсолютом; извне; мироздание *конечно*; оно подобно умному, но механизму; в нем преобладает привнесенный порядок, симметрия, гармония, разумность, правильность, силовая нормативность, абсолютность; всё в нем есть средство для другого; располагается линейно, одно за другим, иерархично; всё задано извне каким-либо сверхъестественным началом, либо внешним толчком, принуждением.

Исходя из таких мировоззренческих посылок, *первая концепция определяет детерминизм как учение о монокаузальной причинности, т.н. «жесткий лапласовский детерминизм»* (Л. Бриллюэн, А. Поликарпов, Р. Карнап, Е. Бицакис, Я. Лукасевич и другие). В соответствии с таким пониманием каждое явление в фиксированных условиях строго однозначно вызывает другое явление. «Картина мира, рисуемая классическим разумом, это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то по крайней мере пропорционально ей. По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретросказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым» [5]. Сторонники такой позиции отождествляют детерминизм с монокаузальностью и считают, что причинность шире детерминизма, включает его в себя или тождественна детерминизму. Они «допускают индетерминированные, но некаузальные явления». Детерминизм понимается как механическое одностороннее воздействие, как внешний толчок, принуждение.

Ошибочность такой концепции детерминизма состоит не в том, что она настаивает на таком монокаузальном виде детерминизма, а в том, что она распространяется до общефилософской, часть выдается за целое. В качестве общефилософской такая позиция представляется менее всего эвристичной, особенно для анализа сложнейшей духовной реальности человека. Такая предельно офизиченная форма детерминизма правомерна, но на своем месте, в механических явлениях и как исторически

преходящая, в меру добытых когда-то знаний о мире. Абсолютизация же ее до общефилософской – и это сегодня-то, на уровне современных знаний и системы понятий о мире – приводит к негативным последствиям. В частности, одни авторы начинают просто отрицать детерминизм, ибо такое его общефилософское понимание на самом деле является препятствием для современной неклассической и неоклассической науки [6]. Другие пытаются его «размягчить», придумать «мягкий» и «твердый» детерминизм [7]. Отождествление детерминизма с причинностью приводит к весьма путанным взглядам даже таких мыслителей как Э. Фромм, желающим остаться в пределах детерминистского воззрения на мир, но в то же время внутренне сопротивляющимся его монокаузальной форме. Так у него мы читаем, что и Маркс и Фрейд, и Спиноза были «одновременно детерминистами и индетерминистами». И сам Фромм больше «склонен к «мягкому», чем к «жесткому» детерминизму, однако не хотел бы идентифицировать себя также и с первым» [8].

Ущербоность распространения механической формы детерминизма на все явления мироздания особенно заметна при подходе к общественным и тем более к духовным в них явлениям. Здесь с таких исходных позиций вообще невозможно раскрыть диалектику самодвижения. На механистическом понимании детерминизма происходит вольное и невольное паразитирование при доказательстве принципиальной непознаваемости и мистификации человеческого духа и поведения. Любопытно, что сегодня эта «операция» совершается двумя, казалось бы противоположными, путями. Один путь – игнорируя детерминизм в любом его виде. Другой – признавая и даже настаивая на нем, но в его механистическом виде. Так, встречаются рассуждения о сознании и поведении современного человека, где в качестве основных методологических посылок используется идея «Человека-машины» Ламетри и «Принципы философии» Декарта. Более того, такая позиция еще упорно отстаивается, упрекая в непонимании сущности детерминизма других. «Отказ от однозначной причинности является в сущности отказом

и от детерминизма», читаем мы совсем недвусмысленную точку зрения в работе А.И. Умова, С.В. Остапенко [9].

Нечего и говорить, что такой вид детерминизма, если брать его в качестве общеполитического, является сегодня препятствием развития науки и невольным теоретическим основанием произвола, диктата, тоталитаризма и манипулирования в управлении духовной реальностью человека. Все еще существующий «классический, традиционный подход к управлению» сложными системами как раз и основывается на представлении, «согласно которому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует упрощенной схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Чем больше вкладываешь энергии, тем будто бы больше и результат. Однако на практике многие усилия оказываются тщетными, «уходят в песок» или даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем». Особенно это относится к мотивационным основаниям действия [10].

Вторая концепция детерминизма определяет как учение о причинности, понимая причинность в более широком плане, включающую монокаузальную причинность, но и вероятностную причинность. В ней отождествляется детерминизм и причинность, но под причинностью понимают «так называемую вероятностную причинность», не исключаящую в себе и строго однозначную связь [11]. Наиболее типично она выражается в работах Л.Б. Баженова, Ю.В. Чайковского, З.А. Сокулер, А.С. Кравца, В.В. Налимова, Ю.В. Сачкова, Г.И. Рузавина и других. Сегодня это наиболее распространенная точка зрения. Сторонники такой позиции уже сами критикуют предыдущее механистическое понимание детерминизма. Но этого с точки зрения современных научных данных о детерминизме недостаточно. По-прежнему часть выдается за целое. Поэтому данная позиция в качестве общеполитической несколько продвигает дело вперед, но качественно в принципе остается

близка к первой. И не потому, что признается вместе с вероятностной еще и однозначная причинность. Детерминизм здесь определяется также через одну из своих форм, не выходя за рамки самое себя, закрывая дорогу к оценке других его составляющих. Отождествление детерминизма и причинности по своему логично и заманчиво, так как причинность на самом деле составляет ядро детерминизма.

Дело в том, что причинность не исчерпывает всего детерминизма. Наука знает многообразные зависимости неслучайного, но детерминационного характера. Среди неслучайных форм детерминации выявлены такие, как структурная детерминация, детерминация части целым, детерминация условиями, детерминация средой. Выявлены такие виды детерминации, как функциональная, системная, управляющая, рекурсивная петля и ряд других, тесно связанных с причинностью, но не сводимых к ней (Я.Ф. Аскин, Е.Н. Князева, В.С. Степин, Ф. Фурстер, Э. Морен и другие). Отсюда, детерминизм гораздо шире причинности, а причинность есть лишь один из видов детерминации. *К сожалению, в вузовских учебниках и пособиях принцип детерминизма с какой-то стати нередко вообще отсутствует, либо детерминизм отождествляется с причинностью. За редким исключением не существует даже такой главы как «Детерминизм», о нем лишь упоминается при соотнесении его с индетерминизмом в главе «Причинность». Такое состояние с фундаментальным принципом бытия представляется крайне некорректным и порождающим далеко идущие безответственные за жизнь последствия.*

Несмотря на большее рациональное зерно, вторая концепция ведет к подмене функций детерминизма функциями причинности, сужая тем самым его мировоззренческое и методологическое значение, толкая частные теории и практику по-прежнему на путь индетерминизма или на жесткий детерминизм, а значит, на волюнтаристический или фаталистический произвол и диктат. Справедливым и сегодня остается мнение М. Бунге о том, что при такой постановке вопроса индетерминизм

неизбежен [12]. Если допустить, что все в мире причинно, то такая тотальная причинность, правомерно возражает Новик И.Б., невольно вводит мистические допущения, то есть индетерминизм. Индетерминизм и есть та концепция, которая отрицает «посюстороннюю природу детерминации» [13]. Однако вторая концепция имеет еще один положительный момент – она все равно выявляет необходимость поиска общефилософской сущности и содержания детерминизма. Это, видимо, и породило третью концепцию.

Третья концепция определяет детерминизм как учение о всеобщей обусловленности явлений природы, общества и человеческого мышления (И.Т. Фролов, С.А. Тюшкевич, М.А. Парнюк, А.А. Куликов, П.В. Алексеев, П.В. Панин и другие) [14]. Она пытается преодолеть ограниченность предыдущей и сформулировать именно общефилософскую концепцию детерминизма. Здесь уже недвусмысленно подчеркивается неправомерность отождествления детерминизма и причинности. Эта концепция выводит сущность детерминизма уже через более широкую его разновидность – через обусловленность, а не причинность. Однако, хотя представление о детерминизме расширяется, но его суть остается все той же, часть выдается за целое. Обусловленность как и причинность, является также одним из видов детерминации. Повторяется все та же ошибка – «целое через часть» или «дефиниендум неравен дефиниенденсу». Использование варианта определения *детерминизма, через «причинную обусловленность»*, на наш взгляд, не меняет сути дела, внося лишь дополнительную запутанность в общефилософскую концепцию.

Детерминизм шире и обусловленности. И недопонимание этого показывает, что существенный признак общефилософского детерминизма не найден и этой концепцией. Фактически она соскальзывает на предыдущее понимание детерминизма. Но исторически положительным за ней остается то, что она способствует окончательному разрыву с концепцией детерминизм как монокаузальная причинность. Кроме того, она обнажает необходимость приведения в систему уже открытых

разновидностей детерминизма и выявляет одновременно принципиальную невозможность сделать это, понимая сущность детерминизма в рамках его лишь генетического характера. Наконец, она окончательно обнаруживает невозможность формулирования его общефилософской сущности через частные по отношению к нему категории.

В неклассическом нелинейном типе детерминизма существует так же несколько близких концепций. Они основываются на неклассической картине мира – на том, что мироздание видится хотя и более сложным, динамичным, нестабильным, но по-прежнему *созданным, конечным, закрытым*. Классические абсолютные абсолюты здесь заменяются неклассическими релятивистскими абсолютами. Отсюда представление о детерминизме становится аморфным, тяготеющим к индетерминизму.

В четвертой (по порядку) концепции под детерминизмом понимается общее учение об универсальной связи явлений, отрицающее существование каких-либо явлений вне этой универсальной связи (И.В. Кузнецов, Б.М. Кедров, С.П. Курдюмов и другие). Становится заметно, что необъясненная таинственная «универсальная связь» слишком расширяет и растворяет сам детерминизм. Такая позиция становится близкой взглядам «номологического детерминизма», который, как известно, принимает принцип закономерности, но отвергает принцип причинности [16]. А это уже путь к скрытой форме индетерминизма¹, так как размывание причинности неминуемо ведет к тому,

¹ Под индетерминизмом нами понимается мировоззрение, отрицающее всеобщность и объективность *взаимозависимости* относительно конечных явлений материально-духовного мира (отрицающее «земную» причинность, обусловленность, детерминацию средой конечных явлений), но подводящее к предопределенности их сверхъестественной («акаузальной»), мистической и извне их самих силой. Индетерминизм это теоретическое основание фатализма и волюнтаризма, отрицания в итоге закономерностей бытия, настаивая на потусторонних, мистических. Однако его ценность мы видим все-таки в том, что он подчеркивает сложность мироздания и необходимость вдумчивого подхода к миру.

что детерминизм провисает в воздухе, то есть лишается тем самым субстанциональной бытийствующей основы. В связи с «универсальной связью» возникают также вопросы: не сводится ли таким образом понимаемый детерминизм к диалектике, которая в известном смысле тоже наука об универсальных связях. А также не остается ли теперь в тени ядро детерминизма – генетический характер причинности. В целом примерно на такой же позиции детерминизма стоит И. Пригожин. Его разработка философии так называемой нестабильности, как поясняет С.П. Курдюмов, показывает, что вульгарный «жесткий детерминизм» в качестве общефилософского преодолен совсем. Но «детерминизм, утверждающий, что состояния исследуемого объекта будут строго находиться в данной области фазового пространства», – такой детерминизм остался [15].

Методологически такое понимание детерминизма, на наш взгляд, все-таки более перспективно. И прежде всего по своему общефилософскому замыслу. Детерминизм здесь, наконец, не связывается ни с одним из его видов. Есть попытка учесть спектр и негенетических связей мироздания. Это уже в принципе иной подход, чем во всех предыдущих концепциях. Однако в таком представлении о детерминизме не виден специфический для него признак, который схватывал бы самое общее и существенное для всех его типов и форм. Сама «универсальная связь» должна быть еще объяснена. В этой концепции при такой ее интерпретации ускользает сама суть именно детерминизма, без чего невозможно раскрыть его содержание, систематизировать его разновидности, без чего такая концепция становится просто ненужной, не работает на практике. Итак, представляется, что в целом такая концепция, ясно выступая против ограниченного представления о детерминизме, все-таки вольно или нет тяготеет к скрадыванию его ядра – причинности. Но, повторим, исторически позитивным здесь является сам методологический подход к определению детерминизма, стремление осмыслить его не через свои же разновидности. Это уже приближение к его именно общефилософской сущности.

Пятая концепция в значительной степени устраняет этот недостаток. *Под сущностью детерминизма здесь понимается «связь, выражающая зависимость вещей (свойств вещей и отношений между ними, событий, процессов, состояний) в их существовании и изменении от любых факторов»* разрабатываемая саратовской школой Я.Ф. Аскина, В.Н. Гасилина [17]. Данное понимание детерминизма обладает тем преимуществом, что в дополнение к предыдущему выражает *активную* сторону взаимосвязи. Однако, оставляя без внимания *характер зависимости*, оставляя зависимость «от любых факторов», такое понимание, на наш взгляд, также оставляет и номологическую размытость детерминизма. Ведь в таком случае остается возможность признания зависимости и от сверхъестественных факторов. Но соответствует ли это закону достаточного основания: такой детерминизм может быть признан и индетерминизмом, и религиозным детерминизмом.

Появилась и *шестая концепция* так называемого «недетерминизма» (И. Пригожин, М.А. Можейко и другие), которую можно отнести тоже к неклассическому типу. В связи с синергетикой под детерминизмом здесь понимается «*смещение акцента*» на доминирование внутренних самопроизвольных моментов в любой системе с противопоставлением их внешним, незавершенная процессуальность системы, «непредсказуемая смена состояний системы, каждая из которых не является ни следствием, ни причиной» по отношению друг к другу [18]. Здесь дело подвигается вперед, но пока, как представляется, в таком понимании общефилософской сущности детерминизма тоже немало номологической размытости и путанности.

Часть синергетиков правомерно отвергают классический линейный детерминизм. Но поскольку они весь детерминизм идентифицируют лишь с принудительной односторонней причинностью, то ведут речь однако о переходе от «детерминизма» к «индетерминизму». «Поведение ансамбля детерминистично» и в тоже время «реальный мир управляется не детерминистскими законами, равно как и не абсолютной

случайностью» (И. Пригожин); или «в действительности детерминизм прекрасно совместим с понятием, что некоторые события беспричинны» (Д. Деннет) [19]. Казалось бы, более тонкое понимание сущности детерминизма мироздания. Но все-таки сам принцип детерминизма, на наш взгляд, невольно элиминируется. Потому что: а) не дифференцируется самопроизвольность в бытии; б) размывается в детерминизме причинность; в) неясно понимается сама причинность и прилегающие к нему другие формы в детерминизме; г) сам принцип детерминизма лишается своей субстанциональной бытийствующей основы, теряется «контакт с Живой вечностью» (А. Бергсон). А это латентный путь к скрытому индетерминизму, с одной стороны, и в тоже время к мистическому потустороннему детерминизму, с другой. Правда, путано признавая наличие «детерминационных участков» (плато) в общем течении «индетерминационного процесса», этим закладываются некоторые основания и для теории именно современного неоклассического типа детерминизма, который пошел дальше. В чем?

Неоклассический фрактальный тип детерминизма основывается на принципиально ином понимании фундаментальных основ мироздания. В неоклассической философии, в новой прежде всего синергетической картине мира, системное понимание бытия сочетается с ситуационным [4]. В пределах познанного мироздание доказывает себя *не созданным, бесконечно-вечным*, впервые доказанной *открытой системой* и обходится, возможно увы, без некоего сверхъестественного творца, Администратора и т.д. Исходя из этого, неоклассический тип детерминизма осмыслил *основные недостатки* в теории как классического линейного, так и неклассического нелинейного детерминизма. Во-первых, при всей их исторической ценности в них ещё не схватывается и не существует общепhilosophической сущности детерминизма. Повторим, при таких попытках общепhilosophическую сущность детерминизма сводят к его какой-либо части или к одной из его форм. Во-вторых, сущность детерминизма

объясняется поверхностно, не связывая детерминизм с глубинными онтологическими основаниями бытия; детерминизм не выводится из самодвижения бытия; сущность детерминизма не пронизывает закон неравномерности саморазвития бытия. В-третьих, в объяснении ‘механизма’ действия детерминизма все еще существует бинарный, конфликтный, а не бинокулярный подход. Видимо в силу подобных теоретических обстоятельств принцип детерминизма воспринимается либо как чье-то волюнтаристическое пожелание, либо как принудительное воздействие, механистическое, силовое учение, либо как нереальный фетишизированный мистически-религиозный детерминизм, а потому не случайно утрачивающий (и поделом, коль так) свое былое значение. Но в силу своих фундаментальных оснований и значимости детерминизм заставляет себя помнить и обогащать свое содержание.

Неоклассический фрактальный тип детерминизма пытается преодолеть эти недостатки, он качественно отличается от того, что под детерминизмом понимали раньше. Главное – неоклассическим фрактальным детерминизмом он является потому, что связывает себя с поворотом к *реализму* [20] понимания и осуществления детерминаций. Но что это значит? Это значит, что, опираясь на предыдущие поиски и наработки в области детерминизма, в третьем типе детерминизма выявляется, наконец, *общепhilosophическая* сущность детерминизма. И детерминированность впервые выводится из *субстанциональных глубин бытия, из самодвижения бытия*, а не из трансцендентной или имманентной заданности. (Данный фрагмент теории детерминизма рассматривается подробнее в части II.) Последнее особенно важно. Классический линейный детерминизм так или иначе связан с трансцендентализмом, а неклассический нелинейный – с имманентизмом, то есть с заданностью, предвзятостью. Неоклассический фрактальный детерминизм основан на внезаданности бытия.

Внезаданность как самовозникновение, самоорганизация и непрерывное самообновление выходит за пределы

соотношения и противоречия «внешнее – внутреннее». Внезаданность касается спонтанного возникновения как внешнего, так и внутреннего. Ибо у бытия как бесконечно-вечного нет внешнего, *у бытия всё внутреннее*. Бытие как бесконечное проявляет себя через конечные явления. Вот у них как у конечных явлений, можно условно говорить о внешнем и внутреннем; да и то относительно, поскольку их конечность относительна. Их внутреннее вынуждено быть очерченным от «внешнего», чтобы им быть онтологически самими собой. Следовательно, конечные явления онтологически связаны с бесконечностью и вечностью. Они «вытекают» и «втекают» в бытие: имеют «предбытие», «своебытие» и «послебытие». Благодаря им, как части, как реальным носителям (онтосам) всего бытия, бытие как сущее существует как онтологически целое, а не нечто эфемерное или *лишь* гносеологическое целое. Внезаданность во фрактальном детерминизме связана с синергетическим самоорганизующимся мироустройством и миропониманием (И. Пригожин и другие) [21], с открытием в нём фрактальности бытия (Б. Мандельброт и другие) [22], с постнеклассическим типом рациональности (В.С. Степин и другие) [23], с другим уровнем понимания сложности бытия, с отсутствием «услуг» внешнего вневременного, внепространственного «наблюдателя» и переходом «к самосознающей Вселенной» (В.В. Налимов, Э. Морен, В.И. Аршинов, Л.А. Маркова, Э.А. Тайсина и другие) [24].

Особое значение в объяснении «эмерджентности» в детерминизме имеет открытие представления о фрактальности бытия. Фрактальность (от лат. fractus – раздробленный камень) – свойство мироустройства, системы, обладающей признаками дробной («бахромистой», «рваной», а не линейной и не нелинейной, как полагалось раньше) пространственно-временной размерностью, темпоральностью, где часть всегда самоподобна в чем-либо целому. Фрактал – какой-либо предмет-процесс бытия: а) с дробной фрактальной размерностью и свойством, «рваностью», «бахромистостью» по периметру процесса, предмета, состояния, свойства, функции; б) который обладает закономерным

самоподобием части целому. Особое самодетерминационное (порождающее) значение здесь имеет «бахрома» (применяя аналогию делёзовской складки). При взаимодействии рваностей на их «стыке», «интерфейсе» действует не линейный и не нелинейный, а хаотический (фрактальный) детерминизм – детерминизм другого уровня. Это, когда действует неслучайный случай, веер случайностей, когда каждая бахроминка действует спонтанно, как самобытный странный (фрактальный) аттрактор, вариант, альтернатива с n-возможностями. Стык бахромистостей, их взаимодействие, пропитывание друг другом является источником новаций-возможностей. Причем, «обоюдодействующим» – рождающимся и угасающим структурам, состояниям, свойствам, функциям; поставляющим новое-жизнеспособное и отсекающим лишнее, новое-нежизнеспособное [25]. Мир есть разнообразие бахромистостей. Если сравнивать и идти дальше, то в складке происходит складывание, причем, линий и кривизны, а в бахроме – пропитывание соком друг друга, потому что не линий, не кривизны, а рваностей (фракталов).

Сегодня появляются различные объяснения «механики» зарождения и протекания спонтанности бытия, самодетерминации его относительно конечных явлений. На основе фрактальности доказывается, что действуют такие объективные процесс-результаты бытия как «аутопоэзис» (феномен самовоспроизводства жизни присущий бытию); «клинамен» (феномен отклонения атомов от своей отвесной линии ничем не обусловленного извне, феномен самодвижения бытия на микроуровне); «антропный принцип» (случайно-необходимое наличие феномена человека и каждого из нас в бытии); «бинокулярность» необходимости и случайности, внутреннего и внешнего, субъективного и объективного.

Существуют попытки добраться до объяснения своего рода даже конкретных «алгоритмов» самодетерминации. Они опираются на такие операции как «рекурсия», «итерация», «резонанс», «микроскопический кооперативный эффект» с переходом на макроуровень, «инверсия» отношений, «интерфейс»,

«интерсубъективность», действие «неслучайного случая», «преодоление господства случайности и преодоление доминирования необходимости», «прецедентная детерминация», различное порождающее действие причины, условия и среды (о чем пойдет речь в части II) в акте детерминированности.

Особое внимание фрактальный детерминизм уделяет теории внутреннего, соотношению внутреннее-внешнее. Но что есть «внутреннее»? Внутреннее здесь это именно внутреннее, по определению; это уже не привнесённое имманентно внутреннее и не заимствованное внешнее (как представлялось раньше), а изнутри сложно порожденное, результат динамики самого процесса превращения различного уровня «фрактальных размерностей», процесс-результат взаимодействия взаимодействий. Здесь внешнее не отделяется от внутреннего и не противостоит внутреннему. Поскольку само внешнее в принципе порождено и на самом деле в принципе все состоит из внутреннего, только уже другого произошедшего масштаба и уровня. В плане логики происхождения детерминации нового, небывшего, то она есть динамика бахромистостей – есть «величайшая машина Мира», если идти дальше делезовской складки.

Итак, так сказать *что нам нужно от принципа детерминизма?* И вот здесь получается, что фрактальный детерминизм в объяснении происхождения детерминаций, во-первых, вновь обращает внимание не столько на сами вещи, сколько *на деятельную сторону* вещей, на «способность их производства/возникновения», на то, «что их производит или они производят», то есть на их *делание/сделанность* в едином сущем [26], на факт *осуществления действия* в бытии. А не только и не столько его оязыковления, означивания, обещание делания, артикуляции, интенции, которые есть тоже событие, но все-таки after-postmodernism(ское) со-бытие. Детерминизм это теория о различной детерминации, детерминированности конечных явлений. Но что такое детерминация? «Детерминация» близка по смыслу «зависимости». Однако «детерминация» и «зависимость» почти одно и то же, но не совсем. Детерминация означает такую зависимость, в которой

появляется(лась) *уже/ещё укоренённость действия*. Там, где нечто пока не влияет на действие, тем более не укореняет его (т.е. остается пока/ещё на преддействии), там может идти речь о зарождении детерминации, предполя детерминизма (детерминации условиями, детерминации средой, связи состояний и т.д.), без которого однако ядро детерминизма – причинность тоже не может онтологически состояться. При детерминации особенно в форме причинности случается поворот, но поворот в фундаменте *онтологического* сущностного изменения. А оно есть действие, точнее даже действие по осуществлению действия.

Во-вторых, фрактальный детерминизм связывает себя с фактом укорененности делания в бытии *на всех стадиях* существования бытия в целом и его конечных явлений, не с какой-либо одной, а с тремя, условно говоря, фазами детерминации: с подготовительной к действию, текущей фазой действия и с фазой осуществления делания.

В-третьих, не бинарно (не разрывая, не противопоставляя жизненно органично единое), как раньше, а *бинокулярно* – одновременно с а) предметом, б) процессом, то есть вместе с фазовым переходом (медиацией) и в) результатом; учитывая целостность, единость «предмет-процесс-результата», а не «вдруг-предмета» и «вдруг-результата». Некорректность бинарности, по меткому замечанию М. Фуко, состоит в том, что «сама возможность её заложена в моменте чисто негативном»: всё будет «отталкиваться от» – ум, понимание от непонимания, умственной отсталости; язык от афазии; память от амнезии; личность от её раздвоения; человек от ошибки природы и т.д. А истина выказывает себя «лишь тогда, когда она становится иной, отличной от самой себя» [27].

В-четвертых, под детерминизмом во фрактальном его типе понимается незавершенная процессуальность любой системы как в принципе всегда открытой системы, а потому такой, где всегда в принципе происходит превалирование внутренних, но (!) внутренних – не предвзятых, а самопроизвольных моментов делания – то, что называют *«аутопоэзисом»*. Которые взаимодействуют с внешними, но (!) внешними, являющимися сами

внутренними, то есть одноприродными (также обладающими аутопоэзисностью, климаменостью, а не потусторонними). Во фрактальном типе детерминизма «внутреннее» и «внешнее» не одинаково, но не разноприродно, а одноприродно – в своей по-сторонности.

В-пятых, во фрактальном детерминизме каждый из аутопоэзисных «механизмов» и элементов зарождения и протекания спонтанности бытия и самодетерминации его конечных явлений (клинамен, бахромы, интерфейс, трансгрессия фрактальных подсистем) действует рекурсивно, являясь и причиной и следствием одновременно по отношению друг к другу и к «включенному третьему» (Николеску); вбрасываясь в «топку» тут же и этого же детерминационного процесса.

В-шестых, фрактальный детерминизм связывает себя с различной мерой и характером «стыков», «бахромистостей» (мерой взаимодействий, диффузии своих состояний, свойств, функций, частей структуры) этих в разные стороны фрактальных подсистем. Поэтому он различает в детерминизме разную работу *причинности, обусловленности, детерминации средой, связи состояний* и других форм детерминированности в сущем. И вот на этом стоит остановиться более подробно в следующей части. Поскольку такое различие имеет глубокие онтологические корни и большое практическое значение.

(Продолжение следует).

Литература и примечания

1. The Re-Emergence of Emergence: The Emergentist Hypothesis from Science to Religion/ Ed. by P. Clayton and P. Davies. Oxford, 2006; Князева Е.Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. Де Роснэ // Философские науки. 2011. – № 9. – С. 99–115; Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии 2013. – № 10. – С. 91–104.

2. См.: Пригожин. И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. – № 6. – С. 48; Орланов Г.Б. Детерминизм как

эпистемологическая проблема // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. – С. 100.

3. См. напр.: Современный детерминизм и наука. В 2-х т. – Новосибирск: СО АН, 1975; Гасилин В.Н. Имеет ли детерминизм границы? // Разум и культура: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Поволж. межрег. уч. центр, 2001. – С. 83–88; Орланов Г.Б. Там же. – С. 99–118 и другие.

4. См. подр.: Меньчиков Г.П. Неоклассическая философия: сущность, содержание, значение // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 155, кн. 1. Гуманит. науки. – 2013. – С. 105–116; Степин В.С. Научная рациональность в социокультурном аспекте // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: Ленанд, 2012. – С. 273–282; Солодухо Н.М. Ситуационность бытия // Феномены природы и экология человека. Сб. науч. тр. в 3-х т. – Казань: Эксклюзив, 2004. Т. 1. – С. 133–144 и другие.

5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. – № 12. – С. 4.

6. Карнап Р. Философские основания физики. – М.: Прогресс, 1971. – С. 361; Лукасевич Я. О детерминизме // Вопросы философии. 1995. № 5. – С. 61.

7. Berofsky B. Review article: conception of freedom // The journal of philosophy. Vol. № 7. 1970. P. 208; Lycan W.C. Consciousness. – Cambridge; London. MJT Press, 1995. P. 115; Сокулер З.А. Спор о детерминизме во французской философской литературе // Вопросы философии. 1993. – № 2. – С. 141.

8. Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу // Философские науки. 1990. № 8. – С. 88–95.

9. Уёмов А.И., Остапенко С.В. Причинность и время // Современный детерминизм, законы природы. – М.: Мысль, 1973. – С. 223.

10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Там же. – С. 4; Setiya K. Rationalism without Reasons. Princeton, 2007.

11. См.: *Сачков Ю.В.* Эволюция учения о причинности // Вопросы философии. 2003. – № 4. – С. 101–118; *Рузавин Г.И.* Детерминистические и стохастические законы // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. – С. 173–175.

12. См.: *Бунге М.* Причинность. – М.: Иностранная литература, 1962. – С. 226.

13. *Новик И.Б.* Детерминизм и диалектико–материалистический монизм // Современный детерминизм, законы природы. – М.: Мысль, 1973. – С. 110.

14. См.: *Тюшкевич С.А.* Проблема детерминизма в советской военной науке. Докт. дисс. – М.: ВПА, 1969; *Парнюк М.А.* Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев. 1972.

15. *Кедров Б.М.* О детерминизме // Философские науки. 1968. № 1. – С. 41–48; *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. – С. 50; *Курдюмов С.П.* Интервью // Вопросы философии. 1991. № 6. – С. 54.

16. См.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. – М.: Теис, 1996. – С. 390.

17. *Аскин Я.Ф.* Философский детерминизм. – Саратов: СГУ, 1974. – С. 30; *Гасилин В.Н.* Детерминизм как принцип материалистической диалектики. Автореф... канд. филос. наук, 1978. – С. 4; *Гасилин В.Н.* Имеет ли детерминизм границы? // Разум и культура: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Поволж. межрег. уч. центр, 2001. – С. 83–88.

18. См.: *Можейко М.А.* Неодетерминизм // Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.; – С. 680.

19. См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2000. – С. 86, 224; *Dennett D.C.* Freedom Evolves. L.[и.а.], 2003, 84.

20. О разнице стратегий осмысления бытия см.: *Фатенков А.Н.* Стратегия осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения // Вопросы философии. 2011. № 12. – С. 117–129.

21. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.; *Клягин Н.В.* Современная научная картина мира. – М.: Логос, 2007. – 263 с.; *Лекторский В.А.* Философия в современной культуре. – М.: ИФРАН, 2007. – 167 с.; *Хокинг С.* От большого взрыва до черных дыр. Краткая история времени. – М.: Мир, 1990. – 168 с.

22. См. подр.: *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.: Ин-т компьютерных исслед., 2002. – 656 с.; *Меньчиков Г.П.* Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Уч. записки Казан. ун-та. Т. 150, кн. 4. Гуманит. науки. 2008. – С. 80–86.

23. См. подр.: *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 743 с.; *Степин В.С.* Научная рациональность в социокультурном контексте // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: Ленанд, 2012. – С. 278–282.

24. См.: *Аршинов В.И.* Синергетика конвергирует со сложностью // Вопросы философии. 2011. № 4. – С. 73–84. – С. 78.; *Маркова Л.А.* Субъект как наблюдатель // Вопросы философии. 2011. № 4. – С. 84–94; *Тайсина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. – СПб.: Алетейя: Вертолет–медия, 2013. – 608 с.

25. См.: *Николаева Е.М.* Социализация личности: синергетический дискурс (опыт социально-философского исследования). – Казань: Казан. ун-т, 2005. – С. 55, 52.

26. См.: *Тайсина Э.А.* Очерки новой гносеологии. В 4-х ч. Очерк II. Онтология экзистенциального материализма. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. – С. 33.

27. См.: *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. – М.: Аст, 2010. – С. 614.

Часть II. Проблема детерминизма: обоснование общефилософской сущности фрактального детерминизма и форм детерминаций

В данном разделе речь идет о том, что учение о детерминизме относится к миру конечных явлений, так как бытие в целом в силу своей вечности-бесконечности никем и ничем не детерминировано. А решение проблемы детерминизма – это схватывание ситуации бытия в фазы различного проявления относительного самодвижения конечных явлений в нем, их внутренней разной относительной активности. Детерминизм – это учение о различной взаимозависимости конечных явлений природы, общества и мышления, отражающее через эту взаимозависимость разную степень и форму активности самодвижущегося бытия в различных формах детерминации. В детерминизме особенно важно различать такие формы детерминации как причину, условие, детерминацию средой и связь состояний.

Ключевые слова: фрактальный детерминизм; бытие; конечное явление; фазы относительного самодвижения конечных явлений бытия; медиация; формы детерминизма.

Постановка проблемы. Как говорилось в предыдущей части, *общефилософская* сущность неоклассического фрактального типа детерминизма может быть понята и выведена из *субстанциональных глубин бытия*, а не из трансцендентной или имманентной заданности, как было раньше. Цель данной части исследования рассмотреть подробнее эти глубинные основания детерминизма. Исходным пунктом обоснования именно общефилософской сущности и содержания детерминизма, на наш взгляд, являются: а) принцип самодвижения материально-духовного бытия, а также б) учет дифференцированного характера этого самодвижения, различия в нем моментов абсолютного самодвижения и относительно-го самодвижения.

Дело в том, что применительно ко всему *бытию в целом*² понятия «движение» и «самодвижение» совпадают. Как доказывает синергетика, универсум есть причина самое себя – открытая система, живущая за счет самоорганизации, саморазвития, самодетерминации. Однако, как понимать самодвижение, когда речь идет о *конечных явлениях*. А ведь лишь к миру конечных явлений и относится учение о детерминизме, так как в силу бесконечности и вечности мироздание в целом никем и ничем не детерминировано. Неучет этой глубинной онтологической триединости мироздания (мир в целом не детерминирован, а детерминированы лишь конечные явления мира и переходные, медиационные состояния к ним) порождает многие другие недоразумения.

* * *

Глубинные основания детерминизма. «Конечными явлениями» мы называем любые материально-духовные образования мироздания (предмет-процессы-результаты), обладающие относительным самодвижением. Это означает, что природа конечных явлений триедина. Они, с одной стороны, обладают некоторой достаточностью и способностью быть опорой другому, с другой стороны, поскольку они не абсолютны, то обладают также определенной и несамодостаточностью и нуждаемостью в другом, чтобы быть *самими собой* и, с третьей, реальны их и *переходные* состояния. (В физике их называют «фазовыми переходами». См. также обсуждение переходности как особого состояния бытия и философской категории [1]). Иначе говоря, конечные явления не абсолютно абсолютны и не абсолютно относительны.

При истолковании проблем детерминации явлений бытия нередко исходят из того, что конечные явления сами по себе либо косны, либо абсолютно самодвижущиеся системы. А потому

² Понятия «бытие в целом», «мироздание», «мир», «универсум» употребляются нами как неодинаковые по коннотациям, но однопорядковые в сопоставлении с конечными явлениями бытия.

они изменяют свое состояние либо в результате каких-либо внешних воздействий и зависят только от них, либо в результате только внутренних противоречий и зависят лишь от самих себя и не нуждаются ни в каких внешних воздействиях. При таком бинарном мировоззренческом и методологическом подходе возможность познания закономерностей функционирования конечных явлений с таких позиций становится сомнительной. Ибо, как в первом, так и во втором случае объяснение изменения состояний конечного явления становится невозможным либо без некоего извне потустороннего «воздействия», «начальника» (так как изменение конечного явления всякий раз переносится *во вне* – на другое явление, с него на третье и так далее до бесконечности), или без той мистической силы («Великого Администратора», как называют ее С.П. Курдюмов, или подобным образом С. Хокинг [2]), которая чудом «вложила» бы способность конечного явления к внутреннему изменению. Правда, возможно здесь и эклектическое сочетание первого и второго варианта – когда конечное явление до определенного момента было якобы косно, а потом вдруг и неизвестно откуда (внекаузально) оно стало абсолютно самодвижущейся системой, минуя переходное состояние. Естественно, что во всех подобных подходах остается мировоззренческая щель, в которую просачивается по сути дела индетерминистское редуцированное объяснение непростой детерминированности конечных явлений реального мира и, естественно, ситуационности бытия. Такова, на наш взгляд, остаточная глубинная инерция механистического принудительного истолкования детерминированности конечных явлений, а от этого и всего мира в целом.

Но возможно и *иное понимание принципа самодвижения бытия*. Оно основано: на идее онтологически непрерывных, но разных, разнокачественных фаз или модусов самодвижения бытия (становления-становящегося-ставшего); на неразрывности сущности и существования в сущем, но неравномерности (фрактальности их простираемости и дления их жизни [3]); и на непрерывности-переходности-прерывности существования конечных

явлений, единства материи и духа в них. Если всему бытию присущ абсолютный характер самодвижения, то распространяя этот принцип на детерминацию конечных явлений, можно говорить лишь об относительности и неравномерности их самодвижения. Отсюда вывод, что детерминация является производной от самодвижения всего бытия, но реализуемая через относительное самодвижение конечных явлений. Иначе говоря, *проблема детерминизма – это схватывание ситуации бытия в фазы различного проявления относительного самодвижения конечных явлений, их внутренней разной относительной активности*. Если бы они обладали полным самодвижением, абсолютной активностью (как и бытие в целом), то проблема детерминации была бы снята, как она не существует для бытия в целом. Детерминизм и отражает одно из свойств бытия – его *различную* активность.

Если относительное самодвижение конечных явлений рассмотреть детальнее, то в нем самом можно увидеть три состояния: а) момент абсолютного самодвижения конечного явления, становления б) момент его относительного покоя, ставшего и в) переходный момент от первого ко второму и обратно, становящегося. И степень активности бытия во всех трех моментах будет существовать, но она будет неодинаковой, повторим – различной. Эти-то различия и весьма важны. Поскольку в момент абсолютного самодвижения любого конечного явления активность бытия проявляет себя *в постоянном генерировании* явлений, в их коренном качественном изменении. В переходный же момент – *в обеспечении существования* этих порожденных конечных явлений, их бытия. А в момент относительного покоя – *в обеспечении предпосылок* к этому существованию. Но бытие активно вечно и во всех трех моментах относительного самодвижения конечных явлений. Следовательно, активность бытия должна быть связана не только с непрерывным генерированием явлений. Отсюда и общепhilosophический детерминизм должен быть связан не только с причинностью, которая отражает лишь генерирование – непрерывное порождение конечных явлений, то есть момент их абсолютного самодвижения,

но и с остальными двумя моментами их относительного само-движения. Поэтому *детерминизм в своей сущности отражает различную способность бытия не только непрерывно порождать явления (причинную детерминацию), но и постоянно обеспечивать и очерчивать их существование (детерминацию условиями), а также постоянно содержать в себе все предпосылки к их существованию (детерминацию средой)*. Иначе говоря, важно подчеркнуть, что *общефилософский детерминизм отражает активность бытия во всех моментах и взаимопереходах его самодвижения, отражает различную степень его активности, а не только наивысшую предельную генетическую степень; отражает он и предпосылочную, а также фоновую степень активности*.

Но что же общего во всех трех фазах-состояниях, в которых бытие проявляет различную степень своей активности через конечные явления? Общим во всех этих взаимопереходах состояний бытия и детерминаций, на наш взгляд, будет то, что конечные явления проделывают *разную производящую работу* в бытии и отсюда *по-разному взаимозависят* от самое себя и друг от друга. *Зависят* – означает, что они в различной степени жизнедеятельны, способны быть неодинаково самодостаточны и несамодостаточны – по-разному способны быть опорой друг другу, различно влиять друг на друга и нуждаться друг в друге одновременно.

Это связано с тем, повторим, что каждое конечное явление в силу своей конечности обладает самодвижением, но лишь относительным. При этом наблюдается такая детерминационная картина. Так как каждое конечное явление обладает *самодвижением*, то есть имеет и свою активность, то основание своего бытия оно содержит в себе самом. Это значит, что оно имеет объективную возможность не только не нуждаться, но и быть нужным друг другу, быть его опорой, оказывать на него определенное влияние. Но так как каждое явление самодвижется не абсолютно, а *относительно*, его самодостаточность имеет известный предел, то у каждого конечного явления существует объективная

необходимость (нуждаемость) в другом, которое способно быть и его опорой. Это значит, что основание своего бытия каждое конечное явление содержит как в себе, так и в другом явлении, от которого оно заимствует недостающее, чтобы быть и стать самим собой.

Следовательно, объективная возможность конечных явлений быть самодостаточными, влиять друг на друга и одновременно быть необходимым друг в друге, вытекающие из их *лишь* относительного самодвижения и относительной активности, и составляет, на наш взгляд, существо *взаимозависимости* (а не просто связи) конечных явлений. А *различная взаимозависимость* конечных явлений и представляется тем искомым общим основным признаком детерминизма, который объединяет и отличает все его многочисленные разновидности. С термином детерминизм связывается представление о том, чему какое-либо явление (вещь, событие) обязано своим существованием или характерными ему признаками, считает В.Н. Гасилин [4]. Следует заметить, что нередко взаимозависимость и взаимосвязь отождествляют. Конечно, эти явления близки, но не тождественны. Отметим, что взаимозависимость и взаимосвязь отличаются друг от друга, как средство и результат. Думается, что взаимозависимость – это участник образования взаимосвязи, средство ее реализации. Следовательно, взаимозависимость подчеркивает активный, образующий-взаимосвязь момент или активность и источник самой взаимосвязи. (Кстати, такого фундаментального понятия как «зависимость», «взаимозависимость» не существует, по нашим данным, ни в одном справочнике).

Но сами взаимозависимости конечных явлений также неоднородны. Они могут быть как *генетическими*, так и *относительно стационарными* и *переходными*. Неоднородность зависимостей – очень важный пункт для понимания сущности и содержания современного общефилософского детерминизма. На самом деле, генетическая зависимость выражает лишь момент абсолютного самодвижения конечных явлений и отсюда абсолютность генерирования. Но ведь конечные явления, как

уже отмечалось, движутся через моменты абсолютного само-движения и относительного покоя, а также в моменты перехода от первого ко второму. И не точно было бы считать, что бытие проявляет свою активность лишь в моменты абсолютного самодвижения конечных явлений, то есть лишь в моменты их порождения. Оно проявляет свою активность во всех трех своих взаимопереходах через различную степень взаимозависимости конечных явлений. Неоднородность зависимостей – очень важный пункт для понимания сущности и содержания общеприкладного детерминизма. Думается, что детерминизм выражает не один класс генетических зависимостей, а все три класса.

Итак, сущность детерминации в ее общеприкладном значении состоит в том, что в результате относительного самодвижения конечных явлений бытия образуется различная степень их всеобщей способности к действию (к источнику возникновения, к тому что их производит и они производят) и отсюда разной взаимозависимости, через которую проявляет себя неодинаковая степень активности бытия в целом. *Детерминизм – это учение о всеобщей различной взаимозависимости конечных явлений природы, общества и мышления, отражающее через эту взаимозависимость разную степень активности самодвижущегося бытия. Это учение о том, в какой мере и каким образом конечные явления объективного мира зависят от противоречивых сторон в самом себе и друг от друга и не зависят от каких-либо потусторонних сил в любой их трактовке. Детерминизм ни с чем больше не связан, как с признанием различной степени взаимозависимости и отсюда с разной самостоятельностью конечных явлений и процессов бытия, что и служит основой их различной закономерной связи упорядоченности и фрактальности, порядка и хаоса мирового процесса.*

Другое дело – какова эта конкретная взаимозависимость. Но это уже дальнейшая постановка вопроса об общеприкладной сущности и содержании детерминизма. Ответ на него вытекает из того, какой конкретно класс взаимозависимостей – генетических; стационарных; переходных – выражает та или иная

разновидность детерминизма. Методологическим следствием такого понимания детерминизма будет возможность конкретного изучения того, *что, от чего, когда, в какой мере и характере зависит*. Итак, корневым исходным пунктом понимания общеприкладной сущности детерминизма является *самодвижение* материально-духовного бытия. (Как уже говорилось, проявляется оно в таких феноменах как в клинамене – в самопроизвольном отклонении атомов от своей оси или в их самодвижении, – в ауто-поэзисе, возникающем в любой системе на стыке, в складке, интерфейсе, трансгрессии фрактальных подсистем (дробных, равных, бахромистых по периметру топосов, свойств, состояний, функций, структур лишь относительно конечных явлений сущего).) Однако для этого необходимо выяснить еще разнообразие типов и форм детерминаций и детерминизма.

* * *

Чтобы ответить на вопрос *о системе форм детерминаций*, необходимо логически остановить самодвижущееся мировое целое, извлечь из него интересующие нас конечные явления и рассмотреть их влияние друг на друга относительно обособленными процессами, но незамкнутыми и не изолированными. (Современный неоклассический детерминизм здесь не повторяет ошибки прежней классической науки). Лишь тогда мы сможем сказать что-либо определенное о характере взаимозависимости конечных явлений, а стало быть точнее судить о разновидностях детерминации этих явлений. Конечные явления в силу их относительного самодвижения изменяются как самопроизвольно, спонтанно, так и под влиянием другого явления, то есть они самодетерминированы и детерминированы одновременно. Соотношение их самодетерминированности и детерминированности связано с их уровнем развитости (системности, структурности и т.д.). *Чем более развита система, тем более она самодетерминирована* [5], однако никогда не доходя до абсолюта. Характер детерминированности становится все более опосредованным (что заметно при детерминации условиями,

детерминации средой), однако не исчезая совсем. *Абсолютно самодетерминированное или абсолютно детерминированное конечное явление в принципе невозможно*, ибо тогда оно должно стать либо мировым целым, либо замкнутой закрытой системой. А любое конечное явление в принципе таковым не является.

Здесь необходимо сказать о вкладе в современный детерминизм *синергетики* и единой *синергетической картины мира* (ЕСКМ). Прежняя классическая наука тяготела и апеллировала к понятию замкнутой или изолированной системы. При таком подходе невозможно было адекватно описать целый ряд детерминационных процессов без присутствия извне некоего внешнего агента, неважно какой природы. Будет ли это Мировой Часовщик, человекообразное существо, божество Лапласа, Великий Администратор, ..., Руководящая и направляющая, Орднунг и т.п. Важно, что при таком видении бытия в онтологической перспективе должна была присутствовать некая внешняя потусторонняя инстанция, которая «извлекла бы из уравнения макроуровней информацию», «обеспечивала развертку информации», «выполняла функцию третьего терминала, ликвидирующего разрыв между микро- и макро-явлениями» (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский). В синергетике же «нетривиальным образом совмещаются представления о внешних, воздействующих на открытую систему источниках энергии, с представлениями о собственных активных силах системы. Нетривиальность же этих представлений заключается, в частности, в признании у природных объектов собственных свойств, не сводимых к взаимодействию (готовых – Г.М.) частиц, составляющих объект» [6]. И верно, напомним, если обращать внимание на *деятельную* сторону вещей, на их *производящую* способность в едином бытии (Э.А. Тайсина) [7]. Но характер этой способности эксплицируется каждой разновидностью детерминизма по-разному.

Итак, логически остановив самодвижущееся мировое целое, можно увидеть, что все детерминированные процессы³

3 Под термином «детерминированные» мы имеем в виду неразрывное единство самодетерминированности и детерминированности.

совершаются не вообще, а в определенном движении, пространстве, времени, на определенном уровне бытия. То есть и по взаимозависимости они тоже так или иначе определены – *по мере взаимозависимости, по степени очерченности круга взаимозависимых явлений, по последовательности протекания взаимозависимости, по ее форме на том или ином уровне бытия*. Иначе говоря, в мире конечных явлений активность бытия проявляет себя вполне конкретно и может быть определена с учетом *формы бытия, характера движения, пространства, времени*. Различная степень взаимозависимости конечных явлений, связанная с данными объективными типами определенности и может быть, на наш взгляд, положена в основу признаков системы различных типов и форм детерминации.

Исходя из разнообразия форм бытия детерминируемых явлений, в первом типе детерминации (по признаку первооснований бытия) различаются такие формы как материальная и духовная детерминации. В материальной разновидности детерминации известны: механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная формы детерминации и их модификации. В дальнейшем обнаружатся, видимо, и другие. Основанием материальной детерминации является различный вещественно-полеобразный (энергетический) способ, каким осуществляется взаимозависимость конечных явлений в разных формах материи [8]. Так, в механических процессах детерминация происходит в форме преимущественно одностороннего силового воздействия одного предмета на другой. В физических – в форме тепловых, электромагнитных и других самодетерминаций и взаимодействий. С переходом к более сложным формам движения материи усложняются и формы детерминации. Одна из причин, очевидно, состоит в том, что каждый «высший» способ взаимосвязи конечных явлений включает в себя «низшие», увеличивается интегративная и информационная способность этих явлений и, благодаря этому увеличивается их способность к самодвижению и самоактивности.

Особенно сложной является *социальный вид детерминизма* – «высший тип детерминизма» (Е.Н. Князева). Синергетика здесь выявила налицо весь комплекс типов и форм детерминации, от низших до высших, а также переход к духовной детерминации и синтез с ней. Здесь действуют объективный и субъективный факторы изменения конечных явлений, причем объективное существует и само по себе и конструируется самим субъективным [9]. Социальная форма детерминации характерна своей триединостью и куматоидностью материальной и духовной, а также различными их сочетаниями детерминаций.

В поле социальной детерминации действует *человеческий тип детерминации*. В нем концентрируется «вся потенциальность экзистенциального утверждения» (Е.М. Николаева) человеческого существа [10]. Основу человеческого типа детерминации составляет *духовная детерминация*. Ниже (в части III) она будет подробно рассмотрена. В целом же в социальной форме детерминации способность к самодвижению достигает апогея. И происходит это благодаря духовной детерминации, синтезу в ней различных форм детерминаций.

Исходя из разной меры самодвижения детерминируемых явлений, *второй тип детерминации* (по признаку движения) выступает в форме детерминации причинной, детерминации условиями, детерминации средой (Г. Кребер) [11]. Основанием является различная степень активности непрерывно изменяющихся конечных явлений и отсюда различная мера или сила и характер их взаимозависимости – генетическая, относительно стационарная, переходная. Взаимозависимость конечных явлений не статична, в своем развитии она разворачивается, проходя относительно самостоятельные этапы, которые фиксируются в данных формах детерминации. Чуть ниже мы рассмотрим их подробнее.

Исходя из разнообразия пространственных структур детерминируемых явлений *третий тип детерминации* (по признаку пространства) выглядит в форме структурной детерминации, детерминации части целым а также системной детерминации

и т.д. Такие формы детерминации обосновывает, например, Я.Ф. Аскин. В них схватывается зависимость элементов от самой структуры, от разной очерченности и рядоположенности круга взаимозависимости. Сложность или упрощенность самой структурной организации может быть причиной появления дополнительных новых свойств (созидательных или деструктивных), которыми не обладают отдельные элементы вне этой структуры. Системную детерминацию разрабатывает Н.Н. Моисеев. Он считает, что при объединении элементов в некую очерченную систему на определенном уровне сложности у нее возникают системные свойства, то есть появляются новые интегральные свойства, не вытекающие из свойств ее составных элементов и не сводимые к их сумме [12].

Исходя из разнообразия временных структур (по признаку времени), из различного *дления* и отсюда последовательности, темпоральности протекания взаимозависимости, *четвертый тип детерминации* предстает в формах функциональной связи, связи состояний. Последние довольно тщательно разработаны в исследованиях Г.А. Свечникова и прочно входят в научный обиход, правда пока главным образом физики. Основанием для выделения таких форм детерминации является последовательность протекания взаимозависимости явлений и изменение способов их существования на определенных временных стадиях их функционирования. Не случайно некоторыми авторами время видится самобытной детерминацией, «время» выводится из санскритского *vartma* – колея, рывина, дорога, желоб [13]. Итак, детерминации многообразны и конкретны. Все эти типы, виды и формы детерминации требуют еще дальнейшей теоретической проработки.

* * *

В силу особой жизненной важности остановимся подробнее на таких формах детерминации как *на причинной детерминации, детерминации условиями, детерминации средой, связи состояний*. Они более характерны для выявления теоретического

существа детерминизма и для решения жизненных задач. А, как видно, здесь много ошибок и заблуждений. Фрактальный детерминизм связывает себя с различной *мерой и характером* самодвижения и активности своих фрактальных подсистем. Поэтому он *различает* в детерминизме разную работу причинности, обусловленности, детерминации средой и других форм детерминированности в сущем.

Детерминация средой отражает сравнительно стационарные зависимости конечных явлений. Это не значит, что они существуют в чистом виде, изолированно от генетических и переходных зависимостей. В любом детерминируемом процессе действуют все три формы детерминации, но они имеют свою специфику, выполняют каждая свои функции. На этом этапе движения конечных явлений мера их взаимозависимости будет еще такой, что их взаимовлияние уже существует, но находится еще в неразвернутом виде, идет *начало* детерминируемого процесса. Стационарность – это не значит косность, не значит, что здесь нет никакого изменения явлений. Собственная активность обстоятельств среды проявляется здесь в том, что среда *предлагает и очерчивает* варианты возможностей для конечного явления, определяют то, чем оно может быть, но еще не стало. Обстоятельства, входящие в среду конечного детерминируемого явления составляют *предпосылки, фон* его существования. Решение же вопроса, каким будет явление, связано с дальнейшим развертыванием меры зависимости явления от условий, и особенно от причинной детерминации.

Понятием «среда» в литературе часто и неправомерно пользуются тождественным понятию «условия». Однако, это далеко не так. Переходя друг в друга, имея общее, они выполняют в детерминации явлений различные задачи, имеют разное предназначение и в итоге разную сущность. Такое отождествление связано, видимо, с тем, что общепhilosophический статус понятия «среда» еще не установился, хотя «среда» – универсальное понятие. (Попытки понять среду в отличии от условий встречаются у Л.К. Лозиной-Лозинской, Г. Кребер, С.Л. Рубинштейна,

М.А. Парнюк, В.И. Аршинова и Я.И.Свирского). Среда в детерминизме отражает способность бытия *обеспечивать возможность* существования конечных явлений, их как бы отдаленную действительность. Когда речь идет о среде, то конечное явление *еще не включено* в реальные непосредственные отношения с окружающими его обстоятельствами, а потому они являются еще чем-то внешним по отношению к данному явлению, *сосуществующим* с ним, *не ассимилированным пока самим* данным явлением.

Средой называются обстоятельства, еще не вошедшие в мир данного конечного явления, но *предпосылающие* его жизнь. Они не затрагивают еще «вселенной» данного явления, а потому внешний мир остается где-то далеко, хотя физически может находиться рядом, он как бы безразличен данному явлению, хотя оно без внешнего мира невозможно. Чтобы явление действовало (а жизнь это действие), нужно войти с ним в соприкосновение, прорвать «изолированность» как внешнего мира, так и самого конечного явления. Объективные обстоятельства не есть нечто застывшее, одни из них существуют в уже сложившемся виде, другие же находятся в процессе становления и созревания. Обстоятельства, находящиеся на стадии становления и развития, есть еще/уже среда.

Итак, когда речь идет о детерминации средой, это значит, что взаимозависимость конечных явлений друг от друга уже развилась, но лишь до обеспечения некоторой *возможности* существования конечного детерминируемого явления. «Среда предстает в виде детерминирующего фона, который определяет общее направление и русло развития явлений» [14]. Онтологически среду не стоит смешивать с условиями.

Методологическое значение среды в детерминизме состоит уже хотя бы в том, что, выделив среду детерминирующую явление, можно затем выделить и исследовать каждое из отношений конечного явления с обстоятельствами, составляющими среду. Это позволяет детальнее углубиться в исследуемое явление и сделать меньше методологических ошибок: полнее охватить

его, но и отсеять недействующие в данной связи обстоятельства, то есть выделить условия.

Детерминация условиями (или обусловленность) это такая форма детерминации, через которую проявляют себя *переходные* взаимозависимости. Здесь мера зависимости конечных явлений развернулась до *обеспечения* действительности существования (но еще не изменения в иное состояние) конечного явления, его бытия. Обстоятельства, развившиеся до обеспечения непосредственной жизни конечному явлению, и есть условия. Собственная активность условий будет большей, так как здесь существует большее соприкосновение обстоятельств с миром конечного явления, хотя и не такое непосредственное, как в причинности. При обуславливании происходит своеобразный перелив содержания обуславливающего в обуславливаемое, но обуславливаемое конечное явление остается еще самим собой, не изменяя своей природы, но подталкивается к этому. Условием является совокупность многообразных факторов, от наличия которых зависит *предпосылка* возникновения, существования и исчезновения вещей, но которых они сами по себе *не производят*. Условия это существенные предпосылки новой действительности, но еще не сами причины. С чем их нередко смешивают и отождествляют. Окончательное изменение в качественно иное явление происходит уже при причинности. Отсюда следует очень важный методологический вывод, что нельзя возлагать надежды и ответственность на то, где их нет и быть не может по определению; можно самообмануться или посеять иллюзию.

Из-за отражения переходных зависимостей понятие условие очень пластично. (Специфике условий в детерминизме посвящены немногочисленные исследования). Видимо, этим объясняется частое отождествление условия то со средой, то с причиной. Основной признак условий – не сама по себе взаимозависимость между явлениями (это общий и существенный признак всех форм детерминации), а дальнейшая ее мера. Главным при выяснении сущности условий становится вопрос о том, какова эта зависимость, какова ее мера и характер. Последнее же связано

с тем, какие обстоятельства среды входят и становятся условиями, а какие нет, каков характер их отношений с явлением.

В условиях выделяется то и только то из среды, что выступает для детерминируемого конечного явления обстоятельствами именно его жизни, самого его бытия, а не предпосылкой к нему. Следовательно, специфика зависимости конечных явлений при детерминации условиями состоит в том, что у части обстоятельств, составляющих среду, появляется способность быть инкорпорируемыми, примененными детерминируемым явлением, так как оно вступает с ним в реальные взаимоотношения, «перемещаясь в чужую субъективность» [15]. В силу этого происходит «перелив» содержания условий в обусловленное. «Категория условий фиксирует внешне разрозненные обстоятельства в момент их преобразования во внутреннее предмета». «Условия предназначены быть снятыми и служить для существования чего-то другого» [16]. Условие уже проходит через внутреннее детерминируемого явления, отражаясь в нем, оставляя в нем свой след; но условие при этом, в отличие от причины, остается самим собой, не угасает в детерминируемом явлении; в то время как активность причины угасает в следствии, подобно тому, как процесс угасает в результате. Перелив содержания условий в обусловленное происходит лишь настолько, чтобы обеспечить *существование* обусловленного конечного явления, *не превращая* его в качественно иное состояние и не теряя в то же время своей самостоятельности. В этом специфика активности условий, ее мера в отличии от среды, с одной стороны, и от причин, с другой. Вне именно этой меры условия есть либо внешнее по отношению к детерминируемому конечному явлению настолько, что они еще среда, либо нечто внутреннее в такой степени, что они превращаются в причину. По степени влияния и функциям условия подразделяют на сопутствующие, необходимые, достаточные, необходимые-и-достаточные. Итак, детерминация условиями не меняет основной качественной характеристики конечного явления и менять ее не может, а служит лишь основанием его бытия. Но основание ещё не само здание. Особенность процесса обуславливания

состоит в том, что условия сами по себе без причинения не могут продуцировать новую реальность, они создают лишь возможность новой действительности. На функциях генерирования, качественного *перерождения* состояния в иное специализируется другой вид детерминации. Это – причинная детерминация и её *дейтельное* начало – причина.

Причина – это наиболее разработанная часть проблемы детерминизма (Н.А. Мусабаева; Г.А. Свечников; М. Бунге; Б.С. Украинцев; А.П. Шептулин; А.С. Кравец, Ю.В. Сачков и другие). Хотя в последние десятилетия стала совсем заброшенной или размытой категорией как в теории, так и в жизни. Как представляется, это одно из обстоятельств процветания жизненного иррационализма, вплоть до вульгарного, особенно в социо-гуманитарной науке и реальной политике [17]. Поэтому мы остановимся лишь на самом трудном и важном – на сущности причинности и на том, чем она в детерминизме отличается от обусловленности и от детерминации средой.

Первая черта причины – это ее спонтанность. Эту грань причины вслед за Спинозовским *causa sui* очень точно подметил Гегель. Причина есть нечто самодвижущее, «начинает спонтанно, не будучи побуждена чем-то иным, и есть самостоятельный, источник самопорождения...» И действительно, иначе это не причина. Причина – это «нечто, порождение из себя» [18]. Но попробуем понять это без мистического контекста.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что причинная детерминация выражает самые активные – генетические – взаимозависимости конечных явлений. Мера взаимозависимости здесь разворачивается уже до своего апогея. Это значит, что соприкосновение с природой «другого» здесь доходит до непосредственного влияния друг на друга, до перелива природы друг в друга, до «трения» или до *взаимодействия*. Но дело не только в этом, а в том, что в результате *такого* внутреннего взаимовлияния свойств, сторон, процессов природа конечного явления изменяется настолько, что оно превращается в *качественно* иное. Происходит *генерирование* – рождение (перерождение, порождение).

Причинность в детерминизме осуществляется при взаимодействии и выражает при взаимодействии способность бытия совершать генерирование, коренное качественное спонтанное изменение конечных явлений, а не частичное, не количественное, не предпосылочное и не фоновое. Причина есть сама сущность бытия в его самостоятельном действии. На стадии причинности цикл разворачивания взаимозависимости данных конечных явлений бытия заканчивается, чтобы начаться вновь на ином качественном уровне или в ином отношении систем. Порожденное конечное явление (или сторона в нем) включается вновь в обстоятельства несколько изменившейся одновременно среды, затем в условия и при достижении фазы взаимодействия превращается в причины другого явления.

Если среда в детерминизме связана с предпосылками бытия конечных явлений, если условия касаются обеспечения самого их бытия, то причины – их перерождения. Мы не можем согласиться с такой позицией по причинности, что «в процессе причинения сущность не возникает заново» [19]. Это выявляет непонимание существа причинности в детерминизме и одновременно порождает мнение о мистическом, демиургическом преобразовании сущностей в мироздании – раз этим не занимается даже причинение. В этом-то и прежде всего суть дела в причинности, что причинение генерирует иную сущность конечного явления всего или его части. А вот обусловленность в детерминизме уже/ещё этим не занимается, у нее есть специализированные детерминационные свойства. И они не взаимозаменяемы в своих функциях. Если условие в детерминизме касается обеспечения бытия конечных явлений, то причина – их становления. Основное назначение причины – менять коренным образом качество детерминируемого явления или его качественную характеристику, превращать его в другое, все время двигать куда-то вперед конечное явление. Этой способностью в детерминизме не обладают ни среда, ни условия, без которых, однако, как без «оболочек» причинение было бы невозможно.

Причина как философская категория – это довольно наукоемое и непростое понятие. Причину нельзя осязать, например, как и стоимость. Причину нельзя воспринимать как толчок, фактор, как внешнее одностороннее воздействие чего-то на что-то или кого-то на кого-то. Такое понимание, увы, наиболее расхожее. На наш взгляд, *причина – это философская категория, которой обозначается в мироздании процесс генерирования (порождения) некоего третьего явления (следствия) и перерождения самих участников причинности (следствий) в момент непосредственного взаимодействия (а не воздействия) двух (а не одного) конечных явлений или свойств, тенденций в одном конечном явлении*. Если этих двух актов (взаимодействия и генерирования) не происходит, то это ещё причина, а условие или среда, которые тоже *влияют, но не определяют*, не порождают новое – третье, следствие.

Понимание причины как *взаимодействия и генерирования* (порождения и перерождения) и *порождения третьего*, следствия как результата взаимодействия и порождения и перерождений становится все более распространенным в современной научной литературе. Редуцированное механическое понимание причинности, основанное на воздействии, да еще одностороннем, постепенно преодолевается. Новое миропонимание и в причинности пробивает себе дорогу (Г.А. Свечников, А.Я. Аскин, В.Н. Гасилин, А.П. Шептулин, И. Пригожин, Ю.В. Сачков и некоторые другие). Тем не менее сведение причины к одностороннему воздействию еще не изживает себя, подчеркнем, в научной литературе. Так понимают причинную связь, к примеру, в работе В.П. Бранского, В.В. Ильина, Л.П. Шарыпина. «Причинность определяется как такое воздействие одного объекта на другой, при котором изменение первого объекта (причина) предшествует изменению другого объекта и необходимым, однозначным образом порождает изменение другого объекта (следствие)» (Материалистическая диалектика. – М., 1981. Т. 1. – С. 213). Встречается и непонимание генерирования в сущности причинности, причем с примечательной (!) аргументацией. «Причина

не может порождать, производить следствие» потому, что «категория причинности является ступенькой познания мира, она отражает независимо от нас существующую реальность» (Князев Н.А., Князева Е.Н. Там же. – С. 27).

Понимание причины как взаимодействия идет от Энгельса, который одним из первых обратил на это серьезное внимание (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. – С. 22, 483, 607). Затем оно было развито, особенно работами наших отечественных детерминистов Г.А. Свечникова, А.Я. Аскина, А.П. Шептулина и других. В итоге становится более ясно, что сведение причины к одному из элементов, преимущественно внешнему, чревато тем, что сама природа детерминируемого явления из причины исключается. Вот где кроются мировоззренческие и методологические истоки тоталитаризма и манипулирования. Поэтому исходное значение понимания причинности как взаимодействия, а не воздействия, весьма и весьма велико.

Идея признания и учета природы детерминируемого (а не только детерминирующего) явления, природных собственных его свойств, активных его сил в общем-то тривиальна. Она была понятна еще древним. А поди же ты, сколько лет и жизней ушло на ее освоение! «Признание подобных тенденций, – считает С.П. Курдюмов, – ведет к переосмыслению также и отношения к миру. В этом случае окончательно разрушается образ Великого Администратора, направляющего движение каждого атома по заданной траектории» [20]. Человечество все-таки взрослеет, неохотно расставаясь с иллюзией, что «природа поддается полному контролю со стороны человека, представляя собой инертный объект его желаний... реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой» [21].

Поскольку фрактальный детерминизм связывает себя с различной *мерой и характером* самодвижения своих фрактальных подсистем, то и деяние и взаимозависимость конечных явлений мироздания бывает *разной*. В своем разворачивании активности они проходят определенные этапы и на каждом из них действует и детерминация средой, и обусловленность, и причинность.

Но, подчеркнем еще раз, это далеко не одно и то же. При этом *функции детерминации средой* – все время обеспечивать предпосылки к существованию конечного явления или его отдаленную действительность, обеспечивать фон изменения предлагать варианты возможностей и определять круг эти» возможностей. *Функции обусловленности* – все время обеспечивать само существование конечного явления, его непосредственную» жизнь, и побуждение к изменению, но еще не само изменение. *Функции причинности* – все время обеспечивать момент генерирования, самозарождение иного, изменение в качественно иное состояние конечных явлений или их сторон, характеристик, свойств. Причинная детерминация – это такая форма зависимости, где происходит взаимодействие детерминируемого явления с условиями, а через них и со средой, в результате которого и получается зарождение и качественное перерождение как конечного явления, так и изменение условий, вступивших во взаимодействие. В детерминизме необходимо различать ещё непричинную, но тем не менее форму детерминизма такую как связь состояний.

Связь состояний в детерминизме. Как философская категории она начала активно разрабатываться Г.А. Свечниковым, хотя как интуитивное понятие в истории философии оно встречается и раньше. Для оценки различных состояний оно применяется в природе, но очевидно недостаточно в обществе. Эпизодами здесь являются постановки вопроса о состояниях общественного сознания в работах А.К. Уледова и Д.А. Волкогонова. В последнее время вклад в теорию связи состояний внесли работы школы Н.М. Солодухо, создавшие «методологию ситуационного подхода» [22], работы Н.Д. Левитова, А.О. Прохорова и др., разработавшие «психологию состояний», Г.Б. Орланова с его «прецедентным детерминизмом» [23]. Связь состояний как форма детерминизма весьма важна в вопросе о «состояниях сознания человека» в духовной реальности человека. Сознание человеческого существа явление весьма динамичное, зыбкое и своенравное. Для идентификации важно видеть его *реальное состояние*.

«Состояние – это философская категория, отражающая формы реализации бытия в некоторый данный момент времени при определенных условиях, которая описывается определенным набором характеристик-параметров» [24]. Каждое относительно конечное явление представляет собой бесконечную совокупность свойств и процессов в определенный момент хронотопа, своего дления и места в вечности-бесконечности текущего бытия. Но чтобы *практически* что-то сделать и добиться *реального* результата конечное явление должно быть зафиксировано. А для фиксации его бытия, схватывания *момента его устойчивости* необходимо учесть бесконечное число переменных. Однако зафиксировать и исчерпать их в каждый данный момент времени и пространства невозможно, да и не нужно. Для решения *реальных* онтологических и гносеологических задач оказывается нет и необходимости учитывать всю совокупность свойств конечного явления, тем более что этих свойств бесконечно. Подходя онтологически, *состояние есть мера определенности отдельного в бытии, его нерасплывчатость в целостном и изменяющемся бытии. Объективное состояние – это совокупность всех свойств некоего «этого», его количественно-качественная определенность, очерченность*. Для выяснения его *ситуативного поведения* нужны также не все факторы, а детерминирующие (производящие) именно такое его поведение. Поэтому подходя гносеологически, *состояние – это совокупность численных характеристик, отображающих существенные, объективно существующие детерминации бытия «этого» в данном отношении, в данном времени и месте целостного потока бытия*. Ценность состояний состоит уже в том, что, очерчивая состояние этой системы в некоторый момент протекания бытия, мы можем определить состояние этой и подобной системы в будущий момент времени и пространства.

Тем более, если мы учтем именно связь состояний и не будем отождествлять «связь состояний» и «причинность». Понимание их различия весьма плодотворно, а смешивание чревато. Связь состояний отличается от причинной связи, хотя обе они – формы

детерминизма (см. параграф 1.1). Во-первых, причинность выражает генезисный механизм, то что вызывает новое и качественно-новое изменение конечного явления; то, что порождает в результате взаимодействия. Взаимодействие и генезис – сущность причинного отношения. Сущность ситуативного отношения связи состояний это взаиморасположенность взаимопротекания, взаимодействия с другими конечного явления в потоке бытия. Причинность носит генетически-производящий изменение характер. Состояние носит сопутствующий характер в данный момент времени-пространства, то, что влияет, но не определяет изменение, влияет на состояние в последующий момент; и эти влияния не носят генетически-производящий характер. Иначе говоря, состояние конечного явления в данный момент «не может динамически воздействовать на его будущее, потому что оно *еще* не существует, но оно не может воздействовать и на прошлое, так как прошлое *уже* не существует» [25]. Во-вторых, познание причины отвечает на вопрос порождения (даже не источника изменения; источником изменения выступает и причина, и условие, и среда, и связь состояний), на вопрос о *качестве* изменения (почему нечто *родилось*, а не просто повлияло, повлиялось, появилось). Познание же связи состояний позволяет *описывать*, и описывать *лишь результат и стадию* (фазовый переход, медиацию) изменения в потоке бытия.

Может ли влиять связь состояний на причину? Связь состояний может влиять на причину, может досоздавать причину и даже нарушать ход причинности, *но лишь логику (логистику) причинности*, а не саму причинность. Тем более, напомним, что в детерминационном процессе конечных явлений кроме причинной детерминации входят и детерминация условиями, детерминация средой, а также детерминация поводом. Связь состояний зависит от причин. Будут изменяться причины, будет изменяться и связь состояний. Отрицание причинности приводит к отрицанию связи состояний, но отрицание *необходимой связи состояний, изменения стадий перехода «этого» в другое «это»* не означает отрицания причинности. Можно

согласиться с тем, что связь состояний это своеобразный «парадокс каузальности» или лучше, по Р.Б. Орланову, «прецедентный детерминизм» – неповторимое, нерасчлененное сочетание многообразных фрактальных детерминаций, определивших новое состояние системы [26].

В состояниях сознания и их связях, например, проявляется динамика перехода, но *перехода функционирования* сознания, в которых выражается его *реальная детерминационная эффективность (здесь и сейчас) в решении задач конкретной практической деятельности. Под состоянием сознания человеческого существа мы понимаем определенное сочетание детерминационных действий, идущих в нем от знаний, отношений, убеждений и воли, которое преобладает в данный конкретный момент времени-пространства при конкретных обстоятельствах. Связь состояний характеризует наличные, а не вообще детерминационные возможности рефлекслируемой и самоконтролируемой части духа человека.* Основная функция состояний сознания – являться связующим звеном между сознанием как идеально-экзистенциальной сущностью и его деятельностью по конкретному изменению действительности. Будет сознание в норме, но не будет нужного его состояния, может не быть нужных действий. Уже поэтому проблема состояния сознания есть одна из важных философских и философско-психологических проблем.

Что же из этого следует?

Неразличение форм детерминизма и их задач в детерминизме приводит к методологической и практической неразборчивости и запутанности в средствах и путях формирования человеческого духа, к невозможности научного управления этим процессом, подчас к бессилию воспитателей или к нечаянным, но опасным драмам. Конечно, различие между данными разновидностями детерминизма соотносительно. То, что в одном отношении выступает в качестве детерминации средой, в другом отношении может выступать в качестве детерминации условиями и т.п. Однако в схваченном фиксированном состоянии

системы (а о причине и следствии, условии и обусловленном, среде и детерминированном средой, напомним, можно говорить лишь относительно обособленных систем) их разграничение весьма определено. Хотя известное взаимопроникновение, их опора друг на друга существует. Тем не менее в своих формах и функциях (отвечающих по своей природе задачам) *они не взаимозаменяемы*.

Эти этапы развёртывания взаимозависимости конечных явлений и соответствующие им формы детерминации нельзя, разумеется, рассматривать как линейный ряд, по прямолинейно пространственной схеме мышления. Схваченные в логически остановленном мировом целом на момент движения конечных явлений, они не действуют изолированно, не переливаясь одна в другую. Однако нельзя не различать их самобытности и даже своеобразной иерархичности, в которой причинная детерминация занимает особое место, так как выражает сердцевину активности самодвижущегося бытия в целом, не подменяя всего детерминизма.

Конкретизированный дискурс детерминизма таким образом позволяет сделать *некоторые важные методологические выводы*. Прежде всего, общефилософское понимание детерминизма не следует отождествлять ни с одной его разновидностью, в том числе ни с причинностью, ни с обусловленностью, ни с детерминацией средой. Детерминизм это своеобразный вектор зависимостей, где ни одна из его составляющих не заслоняет целого детерминизма. В частности, в любом детерминированном процессе действуют и детерминация средой, и обусловленность, и причинность. Однако важно видеть специализацию их функций. Различение в детерминизме причин, условий и среды имеет колоссально полезные последствия, так же как наоборот, их неразличение.

И здесь важно преодолеть одну из крупнейших *ошибок-мифов, что среда есть причина изменения сознания человека* («среда воспитывает человека», «какова среда – таков и человек»). Все здесь не так просто и прямолинейно. Среда влияет, но не

определяет поведение человека. Увы, среда есть среда, она источник, но не причина (по определению) того, какое у человека сознание. Различие в детерминизме среды, условий и причин особенно важно идентифицировать при подходе к живым, тем более человеческим системам. *Внешняя среда детерминирует духовную реальность человека, но не выступает причиной*. А точнее выступает причиной изменений тогда, когда осуществляется (или не осуществляется) *взаимодействие* самого человека с обстоятельствами среды. Иначе говоря, когда среда *переплавляется* усилиями самого человека в условия и затем в причину. Кроме того, обстоятельства среды многообразны, разнонаправлены, противоречивы, *избираемы и отчасти создаваемы*. Избираемы и создаваемы в любом случае! Даже в самых невероятных условиях. Опыт переживаний в концентрационном фашистском лагере В. Франкла, описанный им [27], доказывает и эмпирически существенную разницу среды, условий и причины. Поэтому, с какими из них вступать во взаимодействие – последнее слово остается за человеком, а не за средой. Лишь только он наделен такой своеобразной духовной реальностью.

Это положение остается адекватным даже при агрессивной среде и даже при слабых людях, снижается лишь его культурный уровень. В собственном значении внешняя среда – это источник, предлагающий и определяющий *варианты* возможностей выбора и пределы изменений. Она определяет, очерчивает то, чем духовный мир может стать, и в этом своем детерминирующем значении является бесконечно важной и необходимой. Но станет ли дух человека именно таким, это зависит не только и не столько от среды, сколько от самого человека, образовавшейся духовной реальности *в нем*. Здесь существуют некоторые и закономерности изменения сознания человека [28]. Как верно подмечают и другие авторы, «целесообразно проводить различие между причиной образа и источником» [29]. Казалось бы ничего здесь нового нет даже на уровне организма. О.Мандельштам когда-то заметил, что «никто, даже отъявленные механицисты, не рассматривают рост организма как результат изменчивости

внешней среды. Это было бы уж чересчур большой наглостью. *Среда лишь приглашает организм к росту.* Ее функции выражаются в известной благосклонности, которая постепенно и непрерывно погашается суровостью, связывающей живое тело и награждающей его смертью. Итак, организм для среды есть вероятность, желаемость и ожидаемость. Среда для организма – приглашающая сила. Не столько оболочка, сколько вызов» [30]. А что уж говорить о человеческой сути, даже слабого человека? Правда, у человека и среда иная, чем у организма. Сама общественная среда может быть в том числе и агрессивной, навязчивой, тоталитарной. Но это – социальная патология (то есть не типичное явление, которое действует по нетипичным же специфическим закономерностям, а социальной патологией, девиантностью, деликвентностью занимаются специальные науки и специальные исследователи).

То, что внешняя среда – прежде всего источник и лишь при взаимодействии является частью ее обстоятельств, превращается в соучастника причины означает, что в содержании человеческого духа нет и не может быть ничего приобретенного ниоткуда, тем более необщественным путем. Однако это содержание человеку еще надо *самому выработать* и в этом, и только в этом смысле приобрести! Дух не вещь, его невозможно, по определению, получить как вещь, а приобрести. Подчас, к сожалению, слаб человек. Но Самому! Другого тренда здесь нет.

Оценка адекватной детерминирующей роли среды в принципе имеет далеко ведущее значение. «Влияет внешняя среда или определяет» – за этим стоит стратегия включения момента принуждения, насилия, агрессии среды, сдобренная персональной безответственностью по отношению к человеку, ко всей культуре человека. Величайшее когда-то открытие роли общественной среды в жизни человека не означает до сих пор продолжающейся ее неадекватной оценки. Переоценка роли внешней общественной среды – неважно какой даже – как уже говорилось, привела к тому, что «наша педагогика находится в каменном веке». Если снять всю «моральную утопическую демагогию», то она закладывала методологию «ви-

висекции и лепки человека, совершенно непозволительного к нему отношения» [31].

Как нашему образованию обращаться со средой, с культурой? Это серьезный отдельный предмет для размышления, правомерно считает В.П. Зинченко. «Культура – это усилие, а не насилие по отношению ко мне... В культуру не включаются моменты агрессивности, потому что культура и насилие несовместимы... Человек может находиться в культуре и оставаться вне ее». В культуру не включаются и моменты человеческой безответственности за самое себя, иждивенчество, пассивность, потому что культура и личная безответственность также несовместимы. Среда нужна, но недостаточна. Среда есть фон, она ничего не делает, не делает за человека. Уже потому, что являясь фоном, предпосылками, она не способна на это, да и за человека делание в принципе невозможно. *Все делает сам человек, находясь в среде.* В этом плане еще раз прав В.П. Зинченко, определяя дух как практическую деятельность, направленную на *отыскание* истины, на самосозидание, на самоопределение. Как же тут заменишь самого человека, даже если хочется, да чтобы побыстрее, да поудобнее? То же самое относится и к условиям. Без условий никакое формирование духовной реальности у человека невозможно, это общее место. Но *причиной* изменений, происходящих в духе человека, является противоречивое *взаимодействие с обстоятельствами среды и условиями*, в самих обстоятельствах среды и условий, то есть причинение. Оно осуществляется лишь через деятельность.

Одним из первых, кто в отечественной философии выступил против абсолютизации роли внешней среды и условий, кто увидел различие причин и условий применительно к человеческому становлению, был Д.А. Волкогонов. «Внешняя среда не есть причина развития сознания. Это своеобразная природная, общественная, духовная колыбель, где осуществляется развитие человека и приложение им своих творческих сил. А причина развития – внутренние противоречия сознания, которые возникают и разрешаются в этой среде. Условия превращаются

в формирующий фактор лишь при деятельности коллективов, личностей (разве мало благоприятных условий, которые иногда в полной мере не используются!)». Разрабатывая идею спонтанной активности человеческого духа В.Н. Колесников обоснованно аргументирует, что «все живое имеет причину в себе, а все остальное – снаружи». Что же касается духовной реальности человека, то здесь «принцип активности требует поиска внутренней причинности душевных явлений, а «внешнее» играет роль лишь условий, более способствующих пробуждению одних сил и усыплению других» [32].

Итак, в *деятельности* происходит непосредственное *взаимодействие* – суть причинение, следствием которого является *порожденное*. Порожденным является какое-то «третье событие», а также и двуединое изменение – как изменение самих себя (двух объектов причинения), так и обстоятельств окружающей внешней среды. Считать же обстоятельства внешней среды причиной развития человеческого духа, не дифференцируя их детерминирующее влияние, это значит искусственно упрощать и совсем запутывать дело его формирования, откатываться на позиции редуцированного материализма, а образование и воспитание направлять на методологический путь репрессивно-безответственной педагогики. Духовная реальность человека это самодетерминируемая-детерминируемая система. Это не позволяет строить работу с людьми в плане «воздействия», тем более «толкания» человека, так называемого «вливания» знаний, или «поддавания коленкой тому, кто не хочет развиваться» (по скромному извинению за наше образование конца XX века В.П. Зинченко, академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии РАН) (См. Зинченко В.П. Там же. – С. 10). Тут всегда и везде необходимо *взаимодействие с духовной реальностью человека*. Чтобы избавиться от такого крупнейшего теоретического недоразумения, в детерминационном процессе полезно еще *различать процесс и результат*.

По процессу формирования человеческого духа это будет взаимодействие, то есть сочетание с природой того, кого мы

пытаемся формировать. Без чего осуществление мотивации и именно «перевода» внешнего во внутреннее невозможно, при воздействии оно может просто отторгаться или давать обратный результат. При разрыве с внутренним миром человека никакого «нашего» влияния не происходит: порван мостик, канал, на что же надеяться. *По результату* же формирования это будет, видимо асимметричное взаимодействие, то есть «перевод» внешнего *содержания* во внутреннее. Да и откуда же взяться содержанию? Однако из этого еще не следует, что духовная реальность каждого человека будет развиваться в этом же направлении. Наличие общих предпосылок, предложений (при детерминации средой) и даже побуждений к изменению (при детерминации условиями) означает, что в духовной реальности человека должны происходить определенные содержательные причинные изменения. Но, как говорится, должны да не обязаны – проявляется эта закономерность формирования не как динамическая, а как статистическая закономерность, вероятностная причинность. Поэтому в структуре сознания необходимо различать еще и состояния сознания.

Подведем некоторый итог. Для того чтобы вскрыть причину изменения поведения в любом явлении и повлиять на него, в принципе необходимо, по мнению Г.А. Свечникова, во-первых, выделить ту относительно изолированную систему, элементом которой является данное конечное явление; во-вторых, вскрыть основные взаимодействия внутри этой системы, определяющие поведение данной системы; в-третьих, найти часть причины, выраженной природой внешних и внутренних взаимодействий; в-четвертых, как считает С.П. Курдюмов, достаточно лишь малым возмущением возбудить действие внутренних тенденций в точках бифуркации, и природа сама построит необходимую структуру; нужно только идентифицировать потенциальные возможности данной природной среды и способы их стимулирования. Учитывая изменения в теории детерминизма, есть возможность перейти на другой уровень понимания человека, его психики, его духовной реальности. На фоне существующих

концепций детерминизма начинает преобладать новый неоклассический тип общеполософского детерминизма. Главные его особенности: стремление объяснить спонтанность детерминации через различную степень взаимозависимости конечных явлений; ясное различение в детерминизме его форм; несводимость всего детерминизма ни к какой из них; включение в общетерминационный процесс нового, а именно человеческого вида детерминации.

Литература и примечания

1. См.: обсуждение медиации как социокультурной категории («круглый стол») // Философские науки. 2014. № 1. – С. 58–72; *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). – Казань: Грандан, 1999. – С. 17–35; *Его же.* Проблема детерминизма и ее решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Часть 1 // Вестник КГУКИ. 2014. №1.

2. *Курдюмов С.П.* Интервью // Вопросы философии. 1991. № 6. – С. 56; *Хокинг С.* От большого взрыва до черных дыр. Краткая история времени. – М.: Мир, 1990. – С. 160.

3. «Фрактальность обеспечивает последующее порождение, развитие и когерентность взаимодействия всех подсистем, выражающих сложную, непрерывно совершенствующуюся целостность». См.: *Николаева Е.М.* Социализация личности: синергетический дискурс. – Казань: Казанск. ун-т, 2005. – С. 109–112.

4. *Гасилин В.Н.* Детерминизм как принцип материалистической диалектики. Автореф... канд. филос. наук. 1978. – С. 4; *Его же.* Имеет ли детерминизм границы? // Разум и культура / Под ред. проф. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Поволж. медрег. уч. центр, 2001. – С. 83–88.

5. *Казаринов М.Ю.* Детерминизм в сложных системах управления и самоорганизации. – Л.: ЛГУ, 1990. – 165 с.; *Bratman M.* Structures of Agency. Oxford, 2006.

6. *Аришинов В.И., Свирский Я.И.* От смыслопрочтения к смыслопорождению // Вопросы философии. 1992. № 2. – С. 146.

7. *Тайсина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо капричиозо. – СПб.: Алетей: Вертолет-медия, 2013. – С. 157.

8. См.: *Свечников Г.А.* Причинность и связь состояний в физике. – М.: МГУ, Наука, 1971. – 303 с.; Современный детерминизм. Законы природы. – М.: Мысль, 1973. – С. 482–502; Современный детерминизм и наука. В 2-х т. – Новосибирск, Наука. 1975. Т. 1; *Мелихов Г.В.* Феномен «начала мысли»: дескрипция условий и возможности событий мысли. Автореф... канд. филос. наук. – Казань: КГУ, 1996. – 25 с.

9. *Князева Е.Н.* Балансирование на краю хаоса как способ творческого обновления // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 20; *Николаева Е.М.* Там же, 2005. – С. 7, 60–68; *Брянник Н.В.* Философский смысл картины мира неклассической науки // Вопросы философии. 2013. № 1. – С. 95–96.

10. См.: *Николаева Е.М.* Там же. – С. 7.

11. См.: *Кребер Г.* Соотношение категорий условия и причины и роль условий для действия объективных законов. Автореф... канд. филос. наук. – Л.: ЛГУ, 1961. – 16 с.

12. См.: *Аскин Я.Ф.* К вопросу о категориях детерминизма // Современный детерминизм и наука. В 2-х т. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 35–49.; *Моисеев Н.Н.* Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 1992. № 11. – С. 25–32.

13. См.: *Фалев Е.В.* Проблематизация времени в феноменологии Э. Гуссерля и раннего Хайдеггера // Философские науки. 2014. № 2. – С. 139; *Свечников Г.А.* Там же.; *Разумовский О.С.* Вариационные принципы как способ выражения связи состояний // Современный детерминизм и наука. В 2-х т. – Новосибирск: Наука. 1975. Т. 1. – С. 293–319; *Левин Г.Д.* Что есть вероятность? // Вопросы философии. 2014. № 2. – С. 102–103.

14. *Абрамова Н.Т.* Типы детерминации в процессах формирования живых систем // Современный детерминизм. Законы природы. – М.: Мысль, 1973. – С. 466.

15. *Дзюра А.И.* Понимание как философская и психологическая проблема // *Философские науки.* 2011. № 5. – С. 56.
16. *Ничик В.М.* Диалектический материализм про категорию причинность. – Киев: КГУ, 1960. – С. 120; *Парнюк М.А.* Детерминизм и диалектический материализм. – Киев: Наукова думка, 1967. – С. 14.
17. *Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Захаров А.М.* Идеи детерминизма и глобального эволюционизма. – М.: Академия естествознания, 2007.
18. *Гегель.* Наука логики. В 3-х т. – М.: Мысль, 1971. Т. 2. – С. 210.
19. *Князев Н.А., Князева Е.Н.* Два уровня причинности // *Философские науки.* 1990. № 6. – С. 31.
20. *Курдюмов С.П.* Интервью // *Вопросы философии.* 1991. № 6. – С. 56.
21. *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии.* 1991. № 6. – С. 47, 51.
22. *Солодухо Н.М.* Характеристика ситуации и сущность ситуационного подхода как средства познания // *Ситуационные исследования.* Выпуск I: Ситуационный подход / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Казан. гос. техн. ун-т, 2005. – 188 с. – С. 6–15.
23. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. 344 с; *Прохоров А.О.* Психология состояний. Хрестоматия. / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – М. ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2004. – 608 с.; *Орланов Г.Б.* Детерминизм как эпистемологическая проблема // *Эпистемология & философия науки.* 2011. Т. № 3. – С. 99–118.
24. *Симанов А.С.* К определению понятия «состояние» // *Известия СО АН. Серия общественных наук.* Вып. 1. Новосибирск, 1974. № 1. – С. 56.
25. *Свечников Г.А.* Там же. – С. 118.
26. *Орланов Г.Б.* Там же. – С. 101, 113.
27. *Франкл В.* Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997. – С. 158–241.

28. *Меньчиков Г.П.* Антропологические константы: Ч. II. Основные закономерности изменения сознания человека // *Вестник КазГУКИ.* В 2-х ч. 2013. № 4, ч. 1. – С. 21–27.

29. *Коришунов А.М.* Теория отражения и творчество. – М.: Политиздат, 1971. – С. 50.

30. *Зинченко В.П.* Культура и духовность // *Духовность, художественное творчество, нравственность («круглый стол»)* // *Вопросы философии.* 1996. № 2. – С. 10.

31. *Эфроимсон В.П., Изюмова Е.А.* На что мы надеемся, или нужно ли нам растить гениев? // *Квинтэссенция.* – М.: Политиздат, 1990. – С. 24; *Гусейнов А.А.* Моральная демагогия как форма апологии насилия // *Вопросы философии.* 1995. № 5. – С. 5; *Эйдлин В.И., Юртайкин В.В.* Рассуждения о тексте и сознании // *Философские науки.* 1991. № 12. – С. 154.

32. *Волкогонов Д.А.* Актуальные проблемы советской военно-этической теории. – М.: ВПА, 1972. – С. 76; *Колесников В. Н.* Лекции по психологии индивидуальности. – М.: ИПРАН, 1996. – С. 30, 27.

Часть III. Проблема детерминизма: сущность и специфика духовной детерминации

В данной части продолжается экспликация самого сложного в проблеме детерминизма – сущность и особенности духовной детерминации, в которую, по мнению автора, входят как когнитивные, так и некогнитивные цепочки и формы детерминации, через которые эта сущность проявляется. К когнитивным относятся – идеальная, информационная, репрезентационная, целевая детерминации; к некогнитивным – гормическая, экзистенциальная, идеаторная, идеомоторная, императивная детерминации; возможны и другие.

Ключевые слова: дух как философская категория; духовная детерминация; человек; отражение отражений; феномен обратной каузалности; эмерджентность; энактивизм.

Постановка проблемы. «Духовную детерминацию»⁴ иногда упрощенно называют «психологической причинностью» (К.-Г. Юнг). «Духовная детерминация» – это понимание *действенности* духа или его сегмента на практике; почему, насколько и как что-то *зависит* от духа в жизни. Духовная детерминация – трудно постижимая сфера бытия. Это «настолько ускользающее, кажущееся нереальным, что все сводимое к ней неизбежно приобретает характер чего-то несущественного, какой-то чисто случайной ошибки, значимость которой минимальна» [1]. Но реальность и действенность в жизни того, что называют духом, весьма и весьма ощутима. Для более жизненного понимания действенности духа духовная детермина-

⁴ Данная часть является продолжением разработки сущности и содержания целостной концепции современного детерминизма. (См.: *Меньчиков Г.П.* Проблема детерминизма и её решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Часть I // Вестник КазГУКИ. 2014. № 1. С. 10–17.; *Меньчиков Г.П.* Проблема детерминизма: обоснование общепсихологической сущности фрактального детерминизма и форм детерминаций. Часть II // Вестник КазГУКИ. 2014. № 2. С. 9–20.; *Меньчиков Г.П.* Проблема детерминизма: сущность и специфика духовной детерминации // Вестник КазГУКИ. 2015. № 1).

ция подразделяется на *когнитивные* и *некогнитивные* цепочки и формы детерминации. К когнитивным детерминациям мы относим – идеальную, информационную, репрезентационную, целевую детерминации. К некогнитивным – гормическую, экзистенциальную, идеаторную, идеомоторную, императивную детерминации; возможны и другие. Последняя группа в особенности характеризует специфичность человеческой духовной детерминации. Действуют они во взаимопереплетении, дополняя и противореча друг другу. Цель данного раздела – исследовать реальную специфику именно духовной детерминации через *работу* её структур и функций. Основанием анализа является неоклассическая философия и методология.

* * *

Источник «каузальности» духовной детерминации. Прежде всего определимся, *что же такое «Дух»*. Верно, дух есть место абсолютной свободы внутри чьей-либо самости, куда другой не имеет доступа [2]. Но для жизни важно понять, чем и как занимается дух в бытии? Начнем с того, что «бытие» есть предельное понятие, охватывающее всё сущее и во всех своих действиях и проявлениях... В понятии «материя» обобщенно означает так сказать телесная сторона бытия, неразрывно связанная с духом. «Дух» – отображает другую нетелесную, идеальную сторону *этого же бытия*. Под духом мы себе представляем *каузальную* сторону бытия (от *causa* – причина), всё активизирующую самопричиняющую сторону бытия. В этом суть духовной детерминации первого порядка [3]. *Дух это всё организующая, творческая, управляющая и где возможно рефлексизирующая сторона материально-духовного бытия, побуждающая бытие к какому-либо действию («одоухотворяющая бытие»).* *Дух это то в бытии, что различным образом в конечных явлениях бытия вызывает желание действовать или побуждает их к действию, к совершению действия, к прямому и/или опосредствованному порождению и порождаемости чего-либо.*

Дух вездесущ. Понятие «дух» близкое понятию «жизнь», хотя здесь нужны уточнения [4]. Неоклассическая философия исходит из того, что абсолютно неживого не существует: *всякое неживое есть продукты распада живого*. Даже на уровне «неживой» формы бытия дух существует (по определению), но пока в свернутом пассивном состоянии; на разворачивание его заметной активности здесь требуются всякий раз миллиарды лет коэволюционных изменений (при возникающих подобно земным соответствующим условиям). Как говорится, «дух дышит, где хочет». На уровне растений действие духа проявляется заметнее, в виде раздражимости (тюльпан сам к вечеру сворачивается). На уровне животных дух проявляет себя заметно: рефлексно и бессознательно (но ещё не рефлексивно). На уровне человеческого бытия – как рефлексно, так и рефлексивно, а так же креативно; как осознаваемо и неосознаваемо, так и душевно. Так что дух – не мистика, не нечто ирреальное, не только святой и лишь высокий, а всякий. Дух это реальность, но реальность идеальная, то есть ощутимая и действенная опосредствованно, не предметно, а атрибутивно и реистически. Исследования показывают, что у духовной реальности есть достаточно надёжный критерий ее онтологического бытия. Он, разумеется, не такой вещный, как у физической реальности, но тоже вполне реистический (от «геі» – реальное состояние бытия, от которого тоже заметно зависит жизнь). Называется этот критерий, по мнению «ивановской школы сознания», и с чем мы солидарны, атрибутивный и реляционный реизм. Дух – это «атрибутивная реальность» (И.В. Дмитриевская). Дух помимо эпистемологического имеет и онтологический статус реальности (М. Феррарис). Он проявляется в таких свойствах реальности как ее упрямство и «неисправимость», несмотря на интерпретации и радикальный конструктивизм; «определяемость» возможностей познания; «сопротивляемость» среде, концептуальным схемам; но и «приглашение» к максимальной возможности действий, когда нечто говорит не только «нет», но и «вот он я, я здесь, я совсем не сон» [5]. Но главное, дух имеет

реальную, трудно познаваемую, но не мистическую действенность, не прямо как предмет-процесс, а через атрибуты этого предмета, когда предмет почему-либо *начинает действовать* – нечто *производить и/или производиться*.

*

Вопрос об источнике каузальности духовной детерминации каких-либо действий, изменений (о самозарождении и различном влиянии духа; откуда всё берется) является изначальной проблемой в сущности духовной детерминации. Для креационистских и механистических систем мышления здесь нет больших проблем: поскольку источник любых изменений у них лежит всегда в «извне», да ещё в трансцендентно внешней причине, условии, среде, потустороннем чуде (трансцендентализм); и даже если во внутреннем источнике, то все равно он имеет трансцендентально привнесённый извне характер «внутреннему» (имманентизм). Но сущность духовной детерминации невозможно вывести из извне, либо абсолютно и мистически из нее самой: трансценденталистский или имманентистский интелектуализм здесь будет, по-видимому, несостоятелен. Такой ответ об источнике будет лишь частичным («предположим что»), прагматичным и валидно неадекватным. Как же быть?

На наш взгляд, здесь необходима прежде всего *реалистическая* стратегия мышления. И она начинает зарождаться в неоклассической философии. В данном случае в аккуратном одновременном отношении к конструктивизму и теории отражения, к эмерджентности (А.Н. Фатенков, Е.Н. Князева, Г.Б. Орланов и другие); в происходящем глубоком переосмыслении субъектности как участности (М. Бахтин, В.А. Лекторский и другие); в формировании субъектной объективности, включенности третьего (Б. Николеску, Л.П. Киященко, В.И. Моисеев); в конструктивистском реализме, энактивизме (Г. Хакен, В.И. Аршинов, Э. Морен, Ф. Варела, Е.Н. Князева и другие); в применении и здесь корпускулярно-волновой метафоры объяснения (В.Е. Кемеров) [6]. По возможности они помогают реалистически

понять моменты порождения самопричинения, интерогенеза. Дух и особенно сознание действует энактивно, рекурсивно, на основе фрактальной энактивной детерминации. По Е.Н. Князевой, энактивизм означает, что дух возникает и действует в результате совместного действия «мозга, тела и мира», а не действия их самих по себе. Путем рекурсивного «вдействия» мозга, тела и мира друг в друга «возникают взаимобновляющиеся эмерджентности» [7]. Но нас интересует еще, как и почему это всё «работает»?

*

На уровне человеческого бытия *духовная детерминация* (как в когнитивной, так и в некогнитивной её части) раскрывает себя в какой-то мере в том, что здесь *действуют* объективные онтологические явления: так называемые «*феномен обратной каузальности*», «*эффект резонансной активности системы*», «*процесс отражения отражений*». Становится более или менее понятно как и почему в процессе *действия* какого-либо предмет-процесса самовозникают аутопозисные явления, работают фрактально рекурсивные «механизмы» самопорождения и детерминационного различного влияния: их суть в том, что мысль и/или ценность *самопоявляется* и *создает опору* для своего самопоявления, самодвижения и самоктуализации внутри себя. Нас интересует не столько гносеологический аспект источника новизны в эмерджентности, а онтологический. А эмерджентность реальная всё-таки укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Попробуем обратить внимание на эти феномены, эффекты и «механизмы».

Феномен обратной каузальности. Он свойственен особенно человеческому существу: когда многократно предвидимое следствие-цель, будучи не причиной, а именно следствием, превращается в причину поведения, следствие предшествует причине. Да еще многократно, с умножением и коррекцией как цели, так средств и последствий. Такая нелогичность у человеческого существа с первого взгляда кажется абсурдом. Но при

внимательном взгляде таковым не является. Логика «причина порождает следствие» остаётся фундаментальной логикой бытия в природе. В человеческом же бытии сама «причина» и «следствие» становятся более насыщенными и связи между ними становятся более сложными. *Обратная каузальность* происходит здесь через неразорванное время, где «прошлое», являясь следствием путем воспоминаний образов, переживаний, пониманий, превращается в «будущее» и через цель влияет на «настоящее» [8]. Цель, сама будучи следствием, становится причиной. В связи с этим в детерминизме разрабатывается проблема «прошлое как вид детерминации». Подобное происходит и с «будущим», которое, являясь идеально представляемым следствием, путем воображения и переживания образов, также влияет через цель на «настоящее». В связи с этим в детерминизме разрабатывается и проблема «будущее как вид детерминации», «детерминация виртуальной реальностью» [9]. Итак, цель-следствие становится целью-причиной. Обратная связь («циклическая причинность», «рекурсивная причинность») здесь порывает с линейной причинностью. Причина и следствие замыкаются в *рекурсивную петлю*: это когда причина воздействует на следствие, а следствие на причину, превращаясь само в причину, когда «продукты сами становятся производителями того, что их производит» [10]. Такой вид особенно когнитивных форм детерминации основан на свойствах, присущих самому духовному бытию человека. Духовной реальности человека в своих недрах свойственно *иметь* «прошлое» и «будущее», свойственно глубоко *запечатлевать* его в своих глубинах, *вспоминать* его и только духовной реальности человека свойственно на этой *неразорванной* основе *воспроизводить* актуальную реальность и *конструировать* совершенно новую, в том числе и артефактную реальность. Так что «теория воспоминаний» Платона и «целевая причина» Аристотеля, которые так долго третировались, это не выдумка, а одна из первых гениальных догадок о действии элементов тоже реальной, но «идеальной» детерминации,

которая получает не только свое научное подтверждение, но и современную более тонкую разработку. «Обращение системы к самой себе... рекурсивный принцип заключается в возврате к себе, в повторении и самовоспроизведении согласно ритму собственного разворачивания по аналогии, благодаря чему происходит усложнение системы. Усложняясь, система каждый раз достраивается до динамической целостности, которая в тоже время сама включает в себя множество усложнений... В общем виде такая закономерность присутствует во фракталах» [11].

Эффект резонансной активности. Как пошагово пытаются прояснить моменты интерогенеза исследователи, в основе духовной детерминации лежат не силовые взаимодействия сигнала, а взаимодействия сигнала с информационной знаковой природой внутри его, сигнала и такой же в принципе природой воспринимающего этот сигнал перпициента, которые образуют *эффект резонансной активности* системы. Хотя сигналы существуют и начинаются в вещественно-энергетической форме, они не могут быть сведены к своим материальным носителям. Здесь действуют не их физические характеристики, а *особенности структурно-кодowego их строения*. В духовной детерминации, по справедливому мнению Ю.А. Филиппева, сигнал действует «не как «энергетический довесок» к энергии самой системы, а как ключ, структура бородки которого способна открыть то или иное действие системы» [12]. Сигнал выступает не силовым воздействием (физическим, механическим), а ориентиром, символом (заместителем и заменителем физического) для этой системы. Он свидетельствует о необходимости тех или иных действий, но действия осуществляет уже сама система. «Механизм» эффекта резонансной активности состоит в том, что происходит слипание воедино влияния сигнала (ориентира, символа, свидетельства необходимых действий) и накопленных жизненно-значимых экзистенциальных ценностей. «Слипшийся сигнал» открывает (или закрывает) действие системы, а не усиливает физическую энергию. При совпадении в нем жизненно-значимых экзистенциальных

ценностей такой сигнал, незначительный по энергетическому потенциалу, рекурсивно (обращаясь к самому себе) включает в себя множество усложнений, эмерджентностей, фрактально попадая в точки бифуркации, радикально изменяет траекторию действия, но, повторим, самой системы; сигнал осуществляет переключение тех или иных (аттракторов), что приводит в том числе и к мощным энергетическим возмущениям (идеомоторным детерминациям). Эффект резонансной активности системы в духовной детерминации состоит не в излучении и мощи био-энергетического поля (педагога, трибуна, художника и другого проводника идей: по принципу, чем сильнее поле, тем действеннее внушение), а в том, что структура слова, образа организуется для людей так, чтобы в их живом восприятии «она была способна преобразоваться в такую структуру психологических линий, которая настраивала бы воспринимающих соответственно как раз с этими линиями, то есть в соответствии с замыслами проводников идей» [12], превратилась в причину действия самого человека, в т.н. психическую причинность.

«Психическая причинность». В духовной детерминации или психической причинности непременно участвует и процесс *отражения отражений*. Факт цепочки такой «особой причинности» выявляется в том, что, как говорит, например, Г. Башляр, подготавливая эксперименты, физика начинает, конечно, с реальности здравого смысла. Физик *называет* свои инструменты так же как называет стол. Однако после того как в *процессе действия пробуждается мышление*, все резко меняется. Мысль, скажем, о микрофеномене «вовсе не опирается на *реалистическое ядро* понятия электрона», а скорее на ту духовную атмосферу, которая его окружает. То, что производится инструментально (электрон, поле, поток) теперь рассматривается теоретическим мышлением как *логический субъект* (!), а вовсе не субстанционально. Если же какие-то субстанциональные остатки остаются, то они должны быть устранены, как помеха – приходится постоянно, по Г. Башляру, «отрубать им голову», чтобы не попасться на наивный реализм, а *мысль чтобы уже оперлась*

на мысль как на свою опору. Это самая характерная черта человеческого мышления: при этом изменяется статус реального, образуется уже новая реальность – ступенька из мысли о физической реальности. *Так внутри себя «мысль создает опору для своего движения»* [13]. Именно в это короткое драгоценное мгновение и можно уловить решающую детерминацию научной мысли. Особенно в момент научного хотя бы малого открытия, реконструирования мыслей в процессе преподавания, сотворения научной статьи. Здесь видно как образуются и «работают» духовные детерминации, а дух конструируется и конструирует, то есть производится и производит. Это уже уровень бытия, где, как говорит Г. Марсель, *дух говорит с духом*. Опираясь на мысль как на новую опору, создаваемую сам внутри себя, дух шаг за шагом конструирует уже не наивную реальность, а пробивается к объективной реальности. «Неживое» подчиняется нецелевой или «очевидной каузальности». «Живое» подчиняется потребности, но как вожделению организма, его генетической программе. И только «человеческое» подчиняется «долгостованию, то есть личной цели», без целевой каузальности «мы сравнялись бы с рангом амебы» [14]. Речь идет фактически об отражении отражений.

Исследования показывают, что «теорию отражения» (лучше бы назвали когда-то «отображения») неправомерно абсолютизировать, как это было раньше. Но неправильно было бы её и игнорировать. Отражение не придумано, оно онтологически существует. Оно одно из фундаментальных свойств бытия. А концепция отражения отражений, на наш взгляд, может быть существенным дополнением в объяснении «механизма» интерогенеза и в целом эмерджентности. Отражение отражений это дальнейшее звено в эволюции отражения как одного из великих свойств мироздания. Такая позиция берет своё начало, пожалуй, от Д. Локка. Он один из первых понял, что «именно виды деятельности ума в отношении полученных от ощущений идей, ставши предметом рефлексии, сами являются другим рядом идей» [15]. После Локка эту идею высказывал

В.И. Кремянский, что без отражения отражений «нет явлений осознания». По Л. Живковичу, сутью отражения отражений является реагирование не только на внешние впечатления, но и на их отражения, выраженные в представлениях и символах, реагирование на абстрактные понятия, как на конкретные раздражения, на опосредствованные отражения, как на непосредственные, производимые вещами. В деятельности духа есть не только образ внеположенного объекта, но и *образ образа*, то есть отражение отражений, – подчеркнул крупнейший знаток теории духа А.Г. Спиркин [16]. С тех пор эта идея практически не разрабатывалась, но на неё стоит опереться. Было бы неверно истолковывать отражение отражений как количественное повторение отражений. От него оно отличается как по *способу*, так и по *объекту* отражения.

По способу отражения. Сравнительный анализ психики животных и духа человека, данные антропосоциогенеза показывают, что отражение отражений у человека существенно отличается от психического отражения животных. Отражение отражений симультанно, одновременно (!) непосредственно-опосредствованное, осуществляется с помощью ряда промежуточных звеньев отражений. Отражения, отражаясь друг в друге причудливым образом, дают новое интегративное синергетическое эмерджентное качество отражения. Происходит спонтанная работа духа: дух начинает образовываться и говорить с самим собой. Поэтому-то мы фактически не отражаем, а изобретаем, конструируем мир. Приобретаемое через действие (всегда – практически взаимодействие) первичное отражение не исчезает сразу после прекращения взаимодействия, а тут же становится составной частью того состояния, которое создается. Путь к пониманию спонтанной активности духа лежит через преодоление бытовых, механистических и мистифицированных образов детерминизма, особенно в нем причинности. Этому способствуют работы по синергетическим системным и событийным эффектам, работы в области физиологии активности, в области психологии активности, активности духа и духовности.

По объекту отражения. Сравнение с психикой животных свидетельствует, что если психика животных отражает самое себя на биологическом витальном уровне, то дух человека отражает объективную действительность иначе. Поскольку реально мы не отражаем, а *отображаем* или изобретаем, конструируем мир, то человеческая реальность сама по себе является, по Э. Морену, действительно «полувоображаемой реальностью». Объектом отражения отражений для нас будет именно: а) многократное отражение мира вместе с собой, с субъектом (да еще живым человеком) как его же объективной частью, б) при этом многослойно отражаемый, синергично на различных уровнях – биологическом, биопсихическом, физиологическом, психическом, психосоциальном, социальном, духовном и в) энактивно, в результате совместного действия рассматриваемых феномена обратной каузальности или рекурсивной петли, эффекта резонансной активности и процесса отражения отражений.

Внешне отражение отражений можно сравнить с «духовным эхо» или «мозговым эхо», или расходящимися фрактально накладывающимися энергиями волн, бахромистостей, складок от брошенных в воду камней. Если затронуть более глубокие слои отражения отражений, то его основой является «эффект последствия» или «системные эффекты». Когда продолжают разряжаться возбужденные нейроны, в результате чего происходит расщепление и комбинирование мозговых эхо или сигнала сигналов. Надо иметь в виду, что нейрон ведет себя как внутренне активное существо (клинамен⁵). Нервные клетки оказались не только «переключателями» и даже не «кодирующими

5 «Клинамен». Термин означает явление самопроизвольного отклонения атома за разницу времени (дельта t), (получается что внутри «живого»), замеченное Эпикуром; в отличие от прямолинейного движения атома, (получается что внутри косного, неживого), представляемого Демокритом (см. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный дом. 2003. – С. 676). Эффект клинамена или самодетерминации практически подтверждает синергетика.

элементами», «генераторами команд», а «живыми клетками». Считается, что при каждом отражении отражений мозг всякий раз добавляет результаты *и* своего самодвижения как «мыслящей части материи», действует биодинамическая ткань деятельности и действия [17]. Неоклассическая философия исходит из перводанности бытия и неразрывности в нем материи и духа, из того, что они стороны единого и одного посюстороннего бытия. Хотя обсуждение вечных вопросов на фоне последних достижений в области психологии, нейрофизиологии, искусственного интеллекта: как они взаимодействуют, как закрывается «объяснительный разрыв» (explanatory gap), как образуется кволия (qualia), субъективность и субъектность – здесь идут горячие дискуссии. Между философами – сторонниками физикализма, эпифеноменализма, интеракционизма, аналитического функционализма, элиминативизма, конструктивного натурализма, информационного подхода, квантовых объяснений, теории «мысли более высокого порядка», репрезентационализма и т.д. – Д. Чалмерс, Д. Даннет, Д. Сёрл, Х. Патнем, П. Чёрчланд, У. Мантурана и В. Варела, Р. Пенроуз, Г. Степ, а также Д.И. Дубровский, М.К. Мамардашвили, Н.С. Юлина, В.В. Васильев, С.Ф. Нагуманова, И.А. Бондаренко, Д.В. Иванов, А.И. Яковлев, О.Д. Агапов и другие [18]. Можно отметить, что в последнее время элементы духа более пристально рассматриваются как сферы «интер» (интерсубъективность, интерсубъектность, интерактивность, интерпретативность), уделяется внимание «медиации» как философской категории, концептуализируется феномен «переходного периода» и в целом триадность, а не дуединость, бытия. Все это служит хорошим дополнением к пониманию сущности духовной детерминации.

* * *

Рассмотренные феномены и эффекты истоков духовной детерминации лучше всего срабатывают в *когнитивной группе форм детерминаций* – идеальной, информационной, репрезентационной, целевой.

Идеальная детерминация – это такая, где объекты мира изменяются без физического на них воздействия со стороны других объектов, а под влиянием идеи, образа – их заместителя и заменителя. Вместо Другого в состав причины включается и действует эйдос (его образ, идея, схема) – замещающий и заменяющий сущность сущего. Эйдосы (или идеи, заменители) формируются и затем влияют на жизнь через практическое актуальное индивидуальное действие человека и/или архетипическое действие рода. Последние, поскольку они уже образы образов, воспринимаются для индивида как врожденные и априорные, хотя для рода они апостериорны, не трансцендентальны. В них раскрывает себя психика, как говорит В.И. Аршинов, психоделичность⁶ мышления человека («проявление ума», «присутствие человека»), действие медиаторов – объектов-посредников (интерфейсов и сред) [19]. Эйдосы обладают относительно самостоятельной детерминационной влиятельностью – *началом (запуском) самодеятельности и жизнедеятельности человека*, а также *преобразуемостью, комбинируемостью и главное – конструируемостью* мира. У идеального (эйдоса, идеи, эйдетического образа) есть *орган* – мозг человека и *носитель* – символическая сторона всей культуры человечества [20]. Таким образом, идеальная форма детерминации – это влияние на мир образами объектов вместо физического воздействия самих объектов. Но идеальная детерминация не перекрывает всей духовной детерминации, «разрыв» между духом и мозгом остаётся. Образы объектов должны превратиться еще в знание сущности объектов. Так мы выходим на необходимость информационной формы детерминации.

Информационная детерминация в какой-то мере устраняет этот разрыв, дополняет содержание этого разрыва и реализует каузальную активность идеальной формы детерминации. По

6 Термин «психоделический» (psychodelic) был введен Х. Осмондом, одним из первых ведущих исследователей ЛСД. Буквально он означает «раскрытие психики», «проявление ума» (См. *Гроф С.* Области человеческого бессознательного. – М.: Трансперсональный Институт, 1994. С. 44).

Д.И. Дубровскому, информационный подход, информация или «третье понятие» прокладывает своеобразный «мостик», обеспечивает как необходимую связь психического и физического, так и детерминирующее влияние. Как это происходит? Под информацией понимается то, что «интенционально, что-то отображает, определенное содержание, знание имеющее значимость и способное служить для тех или иных целей». Она воплощена в своем материальном носителе, которому соответствует определённый нейродинамический код. Между духовной реальностью (скажем, сознанием человека) и нейродинамическим кодом образуется кодовая зависимость – «определённое соответствие между свойствами носителя информации... и их значением для системы». Свойства носителя информации в силу принципа инвариантности выявляют управляющее действие информации в системе именно информацией. Получается так, что «информация как таковая... производит причинный эффект» [21]. Но каким образом?

Репрезентационная детерминация. В информационной детерминации остается два недостатка. Действительно, по С.Ф. Нагумановой, «не все информационные процессы имеют качество субъективной реальности» и, во-вторых, эта информация должна быть еще представлена, то есть репрезентирована как самому человеку (его эго-системе), так и тому, кому она предназначена (экзо-системе) для оперирования и использования информации [22]. Так, мы выходим к еще одному важному элементу когнитивной формы детерминации – репрезентационной. Термин «репрезентация» означает представление одного в другом и посредством другого, с учетом контекста означающего в означаемом, «инференциальной роли» (Р. Брэндом) перепредставляемого [23]. В силу чего возникает необходимость и возможность «представлять» и «пере-представлять»? Дело в том, что идея-образ-информация должна еще воплотить свою явленность. Вот эту явленность обеспечивает и конструирует своим детерминационным влиянием презентация и рекурсивно репрезентация. Она означает и означается – задает знак информации и сама

предстает каким-либо знаковым феноменом. Информационной детерминации нужен правомочный представитель в каком-либо его виде (слово, знак, иероглиф, поступок, символ и т.п.). Но он не просто представляет, а вносит свое синергетическое климатическое влияние. Чем таким образом дополняет, компенсирует и подчас инверсирует онтологическую суть содержания знания в информации, доводя до максимума предшествующую идеально-информационную детерминацию. Репрезентация начинает участвовать в «силе» отображаемого и отображения, их идеи и информации в ней; начинает помогать выявить потаенный смысл смысла объекта.

Репрезентационная детерминация способна в итоге *обеспечивать* коммуникацию между субъектом и объектом, *строить* отношение и *изменять* его с Другим, *участвовать* в механизмах *создания* образов Другого, в создании видов «другости» [24]. Причем своим означиванием и переозначиванием информации репрезентация может детерминировать связь как прозрачную, так и замутняющую, инверсионную и даже диверсионную. Примером тому может служить, скажем, роль репрезентационной детерминации в формировании рационализма проекта Просвещения; в конструировании социальной реальности (П. Бергер и Т. Лукман), а также в вопиющих информационных войнах части постмодернистских проектов; в оживлении и обогащении рационализма в начинающемся неоклассическом проекте. Другие, другой становятся во многом зависимы от того как, в каком свете они представлены в масс-медиа репрезентированном «тексте», как к нам отнесётся общество. «Станет ли человек ксенофобом или будет следовать необходимости вступить с Другим в коммуникацию» [24, с. 155] – здесь многое зависит от репрезентационной формы духовной детерминации. Но работа духа этим не заканчивается. Транзитивность духовной детерминации продолжается в целевой детерминации.

Целевая детерминация. Знание, отбираемое (то есть репрезентируемое и рефлекслируемое для обеспечения коммуникации, отношения и действия) духом должно еще как-то сработать,

сдействовать, материализоваться. Так, для осуществления *конкретных* действий оно обращается в целевую детерминацию. За что она отвечает? Среда не только ограничивает, но и «приглашает» к фрактальным возможностям действий. Но лишь приглашает. Целевая детерминация (или причина, по Аристотелю) это концентрированная работа духа человека по антиципированному (от «предвосхищаю») представлению результата действия духа бытия, в том числе и духа человека. Она является промежуточным каузальным элементом на пути к действию. Рассмотрим её подэлементы. а) Идея, информация, знание – «идеальный проект» – подготовлены предыдущими формами духовной детерминации; но действия по выполнению этого проекта еще потенциальны, неупорядочены, разбросаны, бессистемны, разинтегрированы. Их еще надо выбрать и сконцентрировать. Кто это сделает? Работу по такому выбору и концентрации действий проделывает целевая детерминация. б) Деятельность всегда альтернативна, а альтернатив деятельности несколько. Выбор оптимального пути среди них – тоже работа выполняемая целевой детерминацией. в) Идеальный проект предвосхищен, выбраны оптимальные пути действия, но... Какими средствами достичь результата действия? Определение адекватных средств действия по достижению именно нужного репрезентированной идее результата – итоговая часть работы целевой детерминации. Итак, целевая детерминация отвечает за предвосхищение и превращение возможности в действительность, за выбор и реализацию воспроизводства какой-либо «задуманной» системы. И в этом своем свойстве она несет в себе желание и энергию. Великая энергия рождается лишь для великих целей, а каковы цели – такова и энергия. Для выполнения подобранных действий в целевой детерминации аккумулируются некогнитивные элементы духовной детерминации.

В *некогнитивной группе форм детерминаций* (гормической, экзистенциальной, идеаторной, идеомоторной, императивной, возможны и другие) – сущность детерминации основывается на

феномене *горме* (по греч. «горме» – порыв) – желание, возбуждение, страсть.

Гормическая детерминация. Как характеризует этот феномен Мак-Дугалл [25], горме как внутренняя побудительная сила, изначально свойственна всему живому, а тем более человеческому существу с его неугомонным духом. И начальным, пронизывающим другие элементом здесь является *желание* [26]. Гормическая детерминация – как стихийная энергийная сила хаоса бытия – может истолковываться и с виталистских, и телеологических позиций. Но этот *реальный онтологический* факт трудно опровержим. Воочию заметно, что желание лучше и эффективнее, чем принуждение. Желания и страсти вместе с логикой идеи движут человеком. Но в этих случаях поведение человека не носит механического характера, не выступает в виде рефлекса. «Для меня во всем словаре нет другого слова, которое слаще бы пахло жизнью и вообще было бы прекраснее, чем слово «возбуждение», физика его не знает: в физике одна вещь является причиной другой вещи, но не источником ее возбуждения. Разница между причиной и возбуждением состоит в том, что действие всегда лишь пропорционально причине... Но вот племенной конь, лишь почувствовав легкий укол шпор на своих боках, совершает скачок, ни в коей мере не соответствующий движению шпор. Шпоры здесь не причина, а лишь источник возбуждения... плещущей через край жизненной стихии» [27]. Почему желание движет человеком и поведение становится не механическим?

Современные исследования человеческого духа [18; 26] пытаются объяснить, что *желание* (или шире – горме) как «третье понятие» (Д.И. Дубровский), наряду с физическим и ментальным, проделывает *специфическую* «причинную работу». Как и чем? Тем, что желание движет *всем* человеком. Во-первых, материальное и духовное, будучи относительно самостоятельны, здесь неразрывны и слитны. Желание как нечто *третье* сразу схватывает воедино и физическое и ментальное; и одновременно включает слитные «эти две вещи» – кволия,

«приватность» (В.В. Васильев), содержание субъективного переживания – в адекватное теперь уже такому состоянию духа поведение. Видимо, в объяснение действия духовной реальности мы тоже должны ввести «квантовый постулат», «идеологию двух подходов к реальности» [28], позволяющих в меру возможного объяснить проявляющуюся «нелокальность» бытия, его «связанность», «спутанность» [29]. Во-вторых, желание как нечто третье, приватное, это состояние духа, с помощью которого человек вбирает «свою целостность, законченность, полноту... как основное свое качество» человека (А.П. Мальцева). В-третьих, человек как конечное со-бытие бытия, будучи объективно неполным незаконченным нецелостным существом, еще и несовершенен, по определению. Желание как кволия, как нечто третье, приватное каким-то образом несет в себе и «образ» совершенства [26]. В-четвертых, желание имманентно связано с волевой мотивацией. Безволие превращает желание в прихоть, в большую потерю «полноты» как нашего исконного желания. Поскольку самость без воли расплывчата, остается чьим-то орудием, а духовная сущность воли – свобода, то желание в помощь воли в итоге добывается своей «полноты», «целостности» и «совершенства». В силу исключительной значимости желания в гормической детерминации не случайно «кризис желаний» называют болезнью нашего времени (Ортега-и-Гассет, Жижек), а желания стали выдумывать и даже покупать. Итак, конечно, сама гормическая детерминация в цепи детерминаций имеет на это предпосылки, но это уже другой вопрос, не исключающий её относительной самостоятельности, тем более, что она инкорпорирована в других детерминациях, особенно в экзистенциальной.

Экзистенциальная детерминация. Неоклассическая антропология подчеркивает, что принципиально иная детерминированность поведения человека в корне отличает человека от животного. И она сконцентрирована в экзистенциальной форме детерминации. *Сущность* такой детерминации заключается в том, что поведение любого психически вменяемого человека

главным образом и в конечном счете *определяется переживанием смысла жизни, смысла своего существования* («зачем я, зачем всё»). Поздний экзистенциализм здесь прав в своем открытии, что био и социум *влияют, но не определяют* его поведение (Э. Фромм, В. Франкл и другие). Экзистирование (от лат. экзистенция – означает личное существование; экзистировать – переживать прежде всего смысл своего существования) *возникает* у человека на стыке жизни человека и мироздания.

Экзистенциальная детерминация *вызвана* тем, что человек – есть в принципе Другой. Будучи таковым – надбиологическим со-бытием бытия, уникальным состоянием мыслящей части мироздания (М.К. Мамардашвили), без необходимого метафизического усилия существом невозможным (Г.К. Сайкина), аристос (Д. Фаулз), тварным существом (Э. Фромм) – *человек так или иначе есть культурное существо, субъект-объект культуры*. Для него нет готового «человеческого дома бытия», он его должен создать сам или хотя бы участвовать. Тем более, что человек есть единственное существо, которое *знает* о своей личной конечности (смерти). Хотя она у человека относительна, а не абсолютна (после биологической кончины жизнь человека как человека еще пролонгируется) [30], но данное противоречие («зажатость» в бытии между конечным и бесконечным) – есть фундаментальное и ведущее противоречие человеческого бытия. От соотношения жизни и/или смерти онтологически никому и никогда не удастся увернуться. Одни с таким знанием факта уживаются (стойки), другие – вдохновляются (успеть помочь жизни, тварностью состояться в жизни человеком); третьи – ноют; четвертые – начинают психовать, конфликтовать; пятые – деструктировать, словно мстить жизни. Отсюда, нельзя не согласиться с тем, что создавая или даже разрушая что-то, человек «трансцендирует свою роль только в качестве творения», «быть человеком означает трансцендировать свою тварность» [31].

Но, трансцендируя, человек зачем-то выходит к *пределам бытия, к своей и бытия целостности*: полноте/неполноте бытия, аксиологической насыщенности бытия, его и своему

совершенству/несовершенству, смыслу/бессмысленности существования, изначальности, запредельной нужности/ненужности, быть или не быть чему-нибудь не в своей функциональности, вещиности, а в своей полноте, целостности и нерасчлененности. Детерминируясь целостностью, он *переживает* пределы. Особенно в так называемых пограничных ситуациях. Получается так, что человеку трудно понять свою Другость, свое личное существование, свою целостность, надфункциональность, центральное ядро своего человеческого я. Поэтому его поведение, начиная с перинатального периода, пропитано неосознаваемо и/или осознаваемо *переживанием смысла жизни, смысла своего «личного я-существования»* в вечном «вроде-как не-я-мире» («нужен ли именно-я на белом свете», «быть и/или не быть», «кто я такой», «зачем я в мире»). Такое специфическое переживание свойственно лишь человеческому существу. Даже постановка подобных вопросов меняет весь регистр жизни человека. Когда у животного всё состоялось, у человека всё только начинается. Пробираясь к самому себе, оказывается, что человек детерминирован подобного рода «пределами».

Как убедительно показывают исследователи, в экзистенциальном опыте в мире сложного порядка-хаоса человек по-разному приближается к «целостности», к своему «аристос»: выявляются «экзистенциальная полнота жизни», «биофилия», «призвание», «служение»; но и «экзистенциальный вакуум», «скука» и даже «некрофилия» [32]. В экзистенциальной детерминации человек восстанавливает *аутентичность* своей личности. В созидательных жизнь (и даже деструктивных и извращенных) экзистенциальных формах человек начинает избавляться от мучающего его солипсизма, естественной узости и поглощенности собой. Начинает обретаться и человеческая свобода и ответственность. Человек начинает выступать уже не только как вещь, средство, функция, инструмент, орудие под влиянием естественной и социальной необходимости, а формирует себя выбранным, созданным своим самодетерминированным свободным и ответственным действием. Таким образом, экзистенциальная детерминация

означает побуждаемость прежде всего *смыслообразующими каузальностями духа человека*, а не просто инстинктами и средой (человек не есть био-социальное существо, как нередко трактуют ещё его сущность; вдуматься только что!). Причем, не только «низшими», но, по замечательному наблюдению В. Франкла, в такой же степени и «высокими». «Высоты» тоже объективны в поведении человеческого существа. Этот факт нельзя «проглядеть» — люди могут быть мотивированы *также* «не хуже и даже лучше» более фундаментальными высокими амбициями, нежели обыкновенными и даже ничтожными.

Идеаторная детерминация. Каузальная природа духа человека, особенно в его сознании, обнаруживается еще и в таком его свойстве как идеаторность. Термин «идеаторность сознания» был введен в нашу отечественную философию К.Р. Мегрелидзе в его известной работе «Основные проблемы социологии мышления» [33]. Сущность идеаторной детерминации основывается на способности духа воспроизводить и создавать внутри себя идеи, переживания, понимания за счет феномена *филиации* идей (выведения идей из идей) и *конструирования* идей (физически беспредпосылочного порождения новых идей). Идеаторность сознания — это самопроизвольное движение идей в сознании по вектору пространства-времени в своем воображении и его способность образовывать идеи при осмысленном созерцании сущности. Иначе говоря, идеаторность сознания — это способность сознания творить и воспроизводить идеи. Например, «придумывать» осмысленный план поведения человека в мире и обществе, в определённой ситуации. Дух шире сознания. Жизнь духа вездесуща и вечна как неостановима сама жизнь [34]. Жизнь сознания в подлинном смысле начинается тогда, когда трудно, непонятно, когда образуются хотя бы зачатки внутреннего мира идей. Человеческое сознание в отличие от психики животных не ограничивается чувственностью настоящего момента. Как нас не приучают к только «здесь и сейчас», сознание все равно непроизвольно воспроизводит различные образы и представления. Поведение человеческого существа в принципе определяется

не только сиюминутной сенсорной ситуацией, но и мыслимой, воображаемой, представляемой, придуманной и, увы, надуманной — то есть идеаторной. Мир человеческому существу доступен не только «здесь и теперь», но и «там и тогда». Мы — другие. Без идеаторности, понятой как воспроизведение и «придумывание» идей, не было бы роста и обогащения сознания, поведения, не было бы и проблем. Благодаря идеаторности «психическая реальность» превращается в «духовную реальность» и человеческое существо обретает свой уникальный духовный мир представлений, мыслей, идей. Но, увы, и вымыслов, изощренных софизмов, симулякров. Идеаторная детерминация освобождает нас от рабского, слепого поклонения «вот этому, сейчас и любой ценой» моменту, сенсорному полю индивида, а также от безответственности за наши идеационные, то есть наконструированные действия. Именно сконструированное и ответственное идеаторное содержание сознания человека и отличает его от психики животных, наряду со свойствами репрезентативности, интенциональности, императивности.

Идеомоторная детерминация основывается на известном и эмпирически проверяемом феномене перевода мысли, идеи в действие, в движение, в мышечную динамику, иннервацию мышц, то есть в эффекторные компоненты. Или шире, такая детерминация проверяется *определяемостью* поступков под воздействием появившейся идеи, мысли, представления, причем, как с участием воли, так и без участия воли. Такой вид детерминации достаточно детально разработан в психологии (Л.С. Выготский, П.К. Анохин, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин и другие). Опираясь на них, можно полагать, что идеомоторная детерминация включает свои элементы. Во-первых, двигательную задачу, то есть образец (модель, указание, цель), «приказ», что должно «переместиться» мышечным движением. Во-вторых, предварительный образ движения, то есть знание о средствах, способах решения двигательной задачи. В-третьих, двигательный анализ моделирования движения, образа движения. В-четвертых, иннервация мышц, активное движение. В-пятых,

сличение двигательной задачи с движением мышц, с акцептором действия. Однако философский «механизм» действия мысли на тело или «мостик», переход идеального в материальное чрезвычайно сложен. Да ещё если учесть в заставляющее, в императивное действие. Идеомоторную детерминацию существенно дополняет императивная форма детерминации.

Императивная детерминация – это такая разновидность духовной детерминации сущность которой состоит в том, что *мысль повелевает* поступком, идеальное материальным, духовное телесным через волю и воление. Феномен воли здесь предстает чисто духовным ферментом повеления (К. Ясперс, М. Хайдеггер). Одно из объяснений такой детерминации мы находим также в анализе сознания человека в современных исследованиях (В.Д. Евстратов). Опираясь на данные К.Р. Мегрелидзе, В.Д. Поршнева и других, он ссумировал свой ответ на вопрос как и почему мысль волит поступком человека. Проблема здесь в том, что духовная реальность, будучи абстракцией, конечно, связана с источником абстракции. Но не непосредственно. Психический образ, а далее и духовный образ, «отторгнут от непосредственной связи со своим источником», а повеление по факту все равно происходит. Императивность духовных ценностей объясняется, во-первых, связью, вклиниванием языка, речи, слова. Во-вторых, природа первичных речевых образований показывает, что они детерминационно активны. Речь, язык, слово становятся «инспираторами», «решающим условием перемазывания чувственного материала в абстрактные образования». В-третьих, в языке генетически первой идет *глагольная форма слова*, его императивная функция. Уже затем идет информационно-номинативная функция и предметно-существительная форма слова [35]. Само средство превратилось в детерминирующий фактор. Следствие трансформируется в причину.

*

В порядке итога рассмотрим, *как происходит процесс духовной самодетерминации?* Начнем с того, что любой человек

экзистенциально неполон, то есть в принципе несамодостаточен. И в этом нет ничего ущебного. Чтобы добиться экзистенциальной полноты он должен совпасть с вечностью, со свойствами всего бытия, что в принципе невозможно, по определению. Но, испытывая свою несамодостаточность, человек либо ноет; либо постепенно погибает; либо начинает «якать», проявлять в деятельности свое я, начинает *действовать*. «Наша мысль изначально связана с действием. Именно по форме действия был отлит наш интеллект» [36]. Действие как основная единица анализа деятельности, включает: потребность; интерес; цель; идеал; задачу; операции. И действие начинается с потребности. Потребности – это исходная врожденная форма активности любых живых организмов. Но потребность у человека другая, занимается стимулированием организма к действию и началом перехода в мотивирование. Человек не организм и не животное, а стимулирование не одно и то же, что мотивирование («стимулирование» заставляет, «мотивирование» вызывает желание). У животного действие начинается сразу после появления потребности и стимулирование не перерастает в мотивирование. У человека же стимулирование переходит в мотивирование, но через цепочку самодетерминации. Попробуем проанализировать этот детерминационный процесс?

Все начинается с *потребности*, но лишь начинается. Потребность – начало действия. Потребность – это неясная нужда человека в определенных ингредиентах, лежащих вне пределов его бытия, утоление в которых делают его бытие самодостаточным. Это еще неотдифференцированная форма активности, еще вожеление. Проявляет себя потребность как томление, смутное чувство радости или недовольство, раздражение. Потребность это детерминант, зарождающий действие, это пробудитель желания действия, а не столько его стимул. Функционирование потребностей происходит в соответствии с *закономерностями*: а) чем развитее человек, тем шире круг его потребностей и многообразнее формы их реализации и наоборот; б) по мере реализации потребностей получается их возрастание и обновление,

потребности не знают предела; в) удовлетворение потребностей не терпит забегания и перепутаницы; для большинства человечества так называемые «высшие»-метафизические потребности недостижимы без удовлетворения «низших»-витальных как их опоры, ибо высшая природа человека опирается на низшую, нуждается в ней как в основе, но не сводится к ней; г) при утопическом или авантюристическом забегании или перепутанице потребностей в результативном действии просто ничего не получится или получится деструктивный результат – разрушение человеческой сущности [37]. В итоге потребность трансформируется в интерес.

Причина перехода потребности в *интерес* такова. Человек живет в какой-либо *среде*. Но, как уже говорилось, среда в детерминизме *предлагает* средства, она еще не причина и даже не условие. Интерес – это духовный акт *узнавания* (среди стихии «приглашений», предложений среды) своего некоего предмета по удовлетворению потребности и *превращения* этого предмета в *образ* как заместитель предмета (акт опредмечивания). Интерес это не рядовой момент работы духа, а принципиально важное детерминационное духовное событие. Внимание! Вот теперь образ, а не физическая реальность, начинает причинять дальнейшую деятельность. Причем причинять не как принуждать, а как *желать* действовать – человек действует здесь добровольно. Если потребность – это стимул к действию, то интерес – это мотив к действию. Когда потребность-стимул превратилась в интерес-мотив, то это говорит о незримой черте, где человек разминусь с «животным» (почвенническим) внутри себя; поскольку мотив детерминирует в принципе иначе, чем стимул. В интересе туманная нужда организма отдифференцировалась и приняла образ как заместитель предмета (нашла в среде то, что имеет *значение*, значимо *для меня*, а не вообще значимое из предложенного средой). Так что в интересе теперь начал детерминировать далее образ предмета, а не предмет; и желание, а не заставление нуждой-потребностью. Этот образ уже зовет, привлекает к себе, а не толкает, не принуждает пойти подчас против

природы в самое себя. Действие на стадии интереса становится личным – свободным и ответственным – и добровольным. Однако интерес как мотив к действию, еще тоже не знает куда двигаться и каков будет результат. Этим занимается цель.

Цель – это образ желаемого результата, предполагаемого выполнения в удовлетворении интереса. Теперь человека повел уже образ, но это уже образ-эйдос, духовный фермент. Цель это *следствие перешедшее в причину действия*, это мотив, знающий теперь куда и для чего действовать. Вспомним о рекурсивной петле и образе образа в отражении отражений. Механизм самодетерминации здесь таков, что мотив и цель сформировавшись, тут же включаются в общую детерминационную цепочку «человек – среда» и (как промежуточный результат) тут же транспонируются во внутреннее средство, выработанное самим же мотивом. Образно говоря, выработалось внутреннее топливо, которое тут же подбрасывается в топку внутреннего огня; теперь уже не кто-то, что-то извне, да еще заставляет, а сама изнутри «душа горит». В более сложной деятельности человека цель превращается далее в идеал, в метамотивацию.

Идеалы это очень важный и тонкий элемент духовной детерминации человека. Это особенно заметно, если их сопоставить с похожими образованиями, такими как утопия, греза, мечта, идолы. Идеал это метацель и в этом плане выступает метамотивацией поведения. Его важно не путать с *утопией* и *идолом*. Идеал есть посыл к некоей «полноте», с детерминацией чем-то возможным достигнуть (но не путать с абсолютом), с детерминацией смыслом всей жизни, с движением к «чему-то вне-себя». Идеалом называется духовное образование, в котором концентрируется образ воображаемого направления и результата при движении к чему-то вне-себя, но *пока* в пределах неудовлетворенных фундаментальных целей и полных (необходимых и достаточных, не обязательно совершенных) возможностей их удовлетворения. Детерминационная сущность идеала – в духовной детерминации будущим, увлечение процессом трансцендирования во вне-себя, *очарование* тем, что

в представлении происходит что-то великое и фундаментальное. (Но главное, «пока» – это не значит трансцендированное в сторону от жизни и даже против жизни. Как только происходит переход за этот предел, идеал превращается в идол или в фальшивый идеал, то есть в другую сущность – в утопию, а человека превращает из самоцели в средство для служения этому абсолюту-идолу-утопии). Идеал как метамотивация, призван сущностнее ориентировать человека насчет достижения им смысла жизни, но человеческой жизни. Утопия же объективно дезориентирует человека, отдаляя его от жизни, превращая жизнь в помеху, ставя какую-либо важность (возможно и ценность) выше жизни. В этом противоположное значение идолов и утопий. Не случайно утопизм называют остатками «архаичного сознания». В идоле и утопии существует неумение проводить грани между реальностью и иллюзией, особенно между жизнью и смертью, происходит слипание различий, отсутствие невозможности [38].

* * *

Резюме. Завершая исследование «проблемы детерминизма и ее современного решения» (части I, II, III), подчеркнем, что неоклассическая философия исходит из качественно иной детерминационной парадигмы. В целом это третий неоклассический тип детерминизма – поливариантный *фрактальный детерминизм*. Это заметно проявилось при анализе цепочек и форм детерминаций специфики духовной детерминации.

Не отвергая влияния ни инстинктов, ни врожденной предрасположенности, не влияния среды, нельзя не согласиться с тем, что у человеческого существа уже совсем иная, а именно *человеческая детерминация*. И главное здесь, как убедительно доказывает и В. Франкл, что «существует опасность, внутренне присущая учению («пандетерминизм») о том, что человек есть не более чем результат биологических, психологических и социальных условий, т.е. продукт наследственности и среды. Такое представление является образом робота,

но не человеческого существа... представление, которое отрицает свободу человека».

Человек, разумеется, существо конечное, и его свобода ограничена. *«Но это свобода не от условий, а свобода занимать позицию в отношении условий, ... способность возвышаться над этими условиями и трансцендировать их... Человек больше чем психика».* (Выделено нами – Г.М). «Человеческое существо – не вещь среди других вещей; вещи детерминируют друг друга, а человек в конечном счете существо самодетерминирующее. Кем он становится – в границах наследственности и среды – зависит от него самого. В концлагерях, например, – в этой живой лаборатории и на этой испытательной площадке – мы наблюдали, что некоторые вели себя, как свиньи, в то время как другие вели себя, как святые. Человек заключает в себе обе возможности» [39]. Какая из них реализуется, зависит от принимаемых человеком решений в условиях, а не от условий. Повторим, среда, условия влияют, но не определяют поведение, тем более человеческого существа.

«Человек ни в коем случае не является всего лишь продуктом наследственности и среды. Существует третий элемент: принятие решений. Человек в конечном счете решает сам за себя! И, в сущности, образование должно быть ориентировано на формирование способности принимать решения» [39]. Но почему «решения»? Дело в том, что в решении, как в концентрации свободы и ответственности, человек не только принимает или отвергает свои инстинкты, врожденность и среду, условия, а *конструирует свою человеческую сущность*, свою самость, то, что *он* есть, чем *он* должен быть, чем *он* станет, конструирует *смысл своей единственной жизни*, живя в условиях, а не получает его. В этом плане людей нельзя дезориентировать. Действительно, неоклассическая философия глубоко права в том, что если мы дадим человеку неверное понятие о его сущности (кто он – разумное, но все-таки животное, машина, марионетка, вещь или он – человек), то, по В. Франклу, мы можем испортить ему жизнь.

Литература и примечания:

1. Юнг К.-Г. Психологические типы. – М.: АСТ, 1997. С. 72.
2. Арентс Х. Что есть свобода? // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 34.
3. См.: *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). – Казань: Грандан, 1999. 408 с.; с. 114–190.
4. Дух-гайст (Geist) по-немецки, например, означает кипение незримого созидания, творчески бурлящую жизнь, хаотическое кипение первоначальных сил. Дух-эспри (esprit) у французов это начало жизненной активности, нечто незримое, но самостоятельное, то, что одушевляет и воодушевляет людей и пронизывает весь мир... Все действующее в живой жизни само рождается в ней и ею. (См. *В.П. Визгин.* Жизнь как философская идея: Дильтей – Ницше – Бергсон // *Философские науки.* 2010. № 4, 5, 6, 7).
5. *Дмитревская И.В.* Онтологические модели мира и проблема реальности сознания // *Философия сознания в XX веке: проблемы и решения.* Сб. науч. трудов Ивановского гос. ун-та. – Иваново, 1994. С. 5–18; *Феррарис М.* Что такое реализм? // *Вопросы философии.* 2014. № 8. С. 145.
6. *Фатенков А.Н.* Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения // *Вопросы философии.* 2011. № 12. С. 117–128; *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФ РАН, 2009. С. 11; *Кемеров В.Е.* Ключи к современности – в сдвигах методологии // *Вопросы философии.* 2014. № 2. С. 9; *Князева Е.Н.* Конструктивистская эпистемология // *Философские науки.* 2010. № 11. С. 96–98; *Орланов Г.Б.* Детерминизм как эпистемологическая проблема // *Эпистемология & философия науки.* 2011. Т. XXIX. – № 3. С. 99–118.
7. *Князева Е.Н.* Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // *Вопросы философии.* 2013. № 10. С. 91–104.
8. *Spellman L.* Causing yesterday's effects // *Canadian Journal of philosophy.* 1982. Vol. 12. P. 145–161; *Oddie G.* Backwards

causation and permanence of the past // *Sinthese.* 1990. Vol. 85. № 1. P. 75–93; *Sehon S.* Teleological Realism: Maind, Agency, and Explanaiton. Cambridge (MA), 2005.

9. *Brown B.* Defending backwards causation // *Canadion journal of Philosophy.* 1992. Vol. 22. № 4; *Меньчиков Г.П.* Виртуальная реальность: понятие, новации, применение // *Философские науки.* 1998. № 3–4. С. 170–174.

10. *Князева Е.Н.* Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ // *Философские науки.* 2011. № 9. С. 106.

11. *Зайченко М.А., Яковлева Е.Л.* Рекурсивная форма движения и её проявление в культуре // *Уч. записки Казан. ун-та. Гуманит. науки.* Т. 155, кн. 1. – Казань, 2013. С. 58.

12. *Филиппов Ю.А.* Искусство в системе человеческих ценностей. – М.: Наследие, 1996. 288 с.; С. 22–23.

13. *Башиляр Г.* Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. 376 с.; С. 122, 331.

14. *Адлер А.* Индивидуальная психология, ее гипотезы и результат // *Теория личности в западно-европейской и американской психологии.* Хрестоматия. – Самара: Бахрах, 1996. С. 163–180; с. 166.

15. *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме // *Избр. филос. произв.* В 2-х т. – М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. С. 179.

16. *Кремянский В.И.* Гипотеза о материальных основах осознания // *Проблемы сознания.* Матер. симпозиума. – М., 1966. С. 90; *Живкович Л.* Теория социального отражения. – М.: Прогресс, 1969. С. 25; *Спиркин А.Г.* Сознание // *Философская энциклопедия.* – М., 1970. С. 46.

17. *Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А.* Сознание: опыт междисциплинарного подхода // *Вопросы философии.* 1988. № 11. С. 21.

18. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. – М.: Либриком, 2013. 512 с.; *Dennett D.* Consciousness Explained. London: Peguin Books, 1993. 511 p.; *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.; *Патнэм Х.*

Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 234 с.; *Мантурана У. и Варела В.* Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.; *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. 368 с.; *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация. – М.: Азбука-Азбука-Аттикус, 2011; *Бондаренко И.А.* Жизнь сознания: Конституирование новой онтологии сознания и культуре XX века. – Омск: Омск. госуниверситет, 2002. 320 с.; *Яковлев А.И.* Материальность сознания. 5-е изд. – М.: Инфра-М, 2011. 261 с.; *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. – М., 2012. 294 с.; *Бескова И.А.* Эволюция и сознание: новый взгляд. – М.: Индрик, 2002; *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. – Казань: Казан. ун-т, 2011. 222 с.; *Юлина Н.С.* Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниеля Деннета. – М., 2004.; *Агапов О.Д.* Интерпретация как практика автопозииса человеческого бытия. – Казань: Познание, ИЭУП, 2009. 248 с.; *Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. – М.: Либроком, 2014. 240 с.

19. См.: *Тарасенко В.В.* Конструктивная самоорганизация (Интервью с *В.И. Аришиновым* // Философские науки. 2011. № 9. С. 155–157.

20. См.: *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека. С. 129–131; 276–278.

21. *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг. – М.: Наука, 1971. 386 с.; *Его же:* Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 97–99.

22. *Нагуманова С.Ф.* Там же. С. 119–120, 162–209.

23. *Брэндом Р.* Рассуждение и репрезентация (перевод и комментарии *И. Джохадзе*) // Философские науки. 2014. № 8. С. 49–51.

24. *Шапинская Е.Н.* Образ Другого в текстах культуры. М.: URSS, 2012. 216 с., с. 155.

25. Философская энциклопедия. В 5-и т. – М., 1960–1970. Т. 1. С. 391.

26. *Мальцева А.П.* Желание как философско-методологич. проблема // Вопросы философии. 2006. № 5.

27. *Ортега-и-Гассет Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 141.

28. *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного – постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 81.

29. *Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании. – М.: Ин-т компьют. исследований, 2005. С. 464; *Чалмерс Д.* Там же. С. 155–157; *Васильев В.В.* Там же. С. 86–91.

30. *Меньчиков Г.П.* Основы антропологии: традиции и новации. – Казань: Школа, 2006. С. 115–118.

31. *Фромм Э.* Душа человека. Революция надежды. – М.: АСТ, 2014. С. 27–28.

32. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. С. 316; *Франкл В.* Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997. 287 с.; *Фаулз Д.* Аристос. – М.: АСТ, 2008. 347 с.; *Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 46–56; *Сайкина Г.К.* Трудно быть человеком... (Метафизические маршруты человека). – Казань; Казан. ун-т, 2012. С. 259; Принцип целостности // Философские науки. 2013. № 10. С. 5–70.

33. *Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. 438 с.

34. *Меньчиков Г.П.* Жизнь как философская категория // Вестник МГУКИ. 2008. № 5. С. 13–17.

35. *Ясперс К.* Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. 1056 с. С. 173; *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М.: Республика, 1993. С. 80; *Евстратов В.Д.* Феномен сознания: приоритеты современной интерпретации // Проблема сознания в свете междисциплинарных исследований. – Казань, 1997. С. 17.

36. *Бергсон А.* Творческая эволюция. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. С. 75.

37. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. – М.: МГУ, 1982. С. 108–117; Меньчиков Г.П. Идеалы и идола в структуре духовной реальности // Социально-экономические и нравственно-этические аспекты развития социально-культурной сферы в условиях рыночной экономики. – Казань: КГАКИ, 1998. С. 90–92.

38. Карасев Л.В. Х. Гюнтер. По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 179–183.

39. Франкл В. Там же. С. 24, 245, 274–279.

Заключение

Придется подчеркнуть ещё раз, что понимание общеполософской сущности и методологического значения детерминизма является исключительно важным. Так называемая «смерть детерминизма» невозможна по определению, разве лишь вместе с человечеством и то лишь на нашей маленькой планете, когда вокруг никто даже не охнет. Поскольку детерминизм связан с самыми коренными вопросами бытия.

Принцип детерминизма неустраним из научного познания, поскольку он постоянно связан с закономерностями бытия, с добыванием хотя бы крупниц истины. Принцип детерминизма является основной внутренней защитой науки от дилетанства и псевдонауки. «Утверждения о крахе детерминизма в современном научном познании, представляются... поверхностными и скоропалительными, более рассчитанными на сенсационность, нежели на серьёзный анализ» (Е.А. Мамчур). Принцип детерминизма неустраним из жизненной практики, поскольку он постоянно связан с предохранением человечества от безумия (М. Фуко, Ж. Делёз и Ф. Гваттари), с сохранением человечества в состоянии человеческого Разума, что бы исторически под ним не понимали.

На фоне существующих различных концепций детерминизма начинает формироваться новый неоклассический тип общеполософского детерминизма – фрактальный детерминизм. Главные его особенности: стремление объяснить спонтанность детерминации через различную степень активности бытия и взаимозависимости конечных явлений. Детерминизм несводим к причинности или какой-либо другой своей части, аспекту, функции.

Неоклассический фрактальный тип детерминизма, пытаясь осмыслить все ценное и преодолеть недостатки предшествующих типов детерминизма, качественно отличается от того, что под детерминизмом понимали раньше. Мы вступили в постутопическую эпоху (С. Кургинян), конца власти Абсолютов (не

путаем абсолюты с идеалами), которые за нас всё знают и так или иначе за нас всё сделают, хорошее или плохое. Главное – неоклассическим фрактальным детерминизмом он является потому, что связывает себя с поворотом к *реализму* понимания и осуществления детерминаций. Неоклассический фрактальный детерминизм основан на внезаданности бытия, его синергетической естественности.

Опираясь на предыдущие поиски и наработки в области детерминизма, в третьем типе детерминизма выявляется, наконец, *общефилософская* сущность детерминизма. А детерминированность впервые выводится из *субстанциональных глубин бытия, из самодвижения бытия*, а не из трансцендентной или имманентной заданности. Классический линейный детерминизм так или иначе связан с трансцендентализмом, а неклассический нелинейный – с имманентизмом, то есть с заданностью, предвзятостью, с «представим, что».

Summary

The problem of determinism and its solutions: Three types of determinism, Fractal determinism. Part 1.

In the given article a part of the neoclassical philosophy formulation outcomes is explicated, the concept of common philosophical essence of determinism. Three types of determinism with their conceptions are proved: classical (linear); non-classical (nonlinear) and neoclassical (fractal). The last one is the modern third type of determinism being formed in the last quarter of the XX and in the beginning of the XXI centuries. It is based on a synergetic worldview, is postulated and developed for the first time. Basis of the three types are the stages of the world philosophy development: classical, non-classical and neo-classical.

Key words: neoclassical philosophy; worldviews, common philosophical essence of determinism; three types of determinism; fractal determinism; emergence; clinamen; autopoiesis; interface; recursion.

Justification of the philosophical essence of fractal determinism and forms of determinations. Part II.

The article substantiates the concept that the doctrine of determinism refers only to the world of final phenomena as existence in general cannot be determined by anything or anybody due to its infinity. And the problem of determinism is the grasp of the situation of existence in phases of different manifestation of the relative self-motion of the final phenomena in it, their internal different relative activity. Determinism is the doctrine of the various interdependencies of the final natural phenomena, society and thinking, reflecting through this interdependence different degree and form of activity of the self-existence in various forms of determination. It is proved that it is especially important to distinguish between such forms of determination as the cause, the condition and the determination of environment.

Key words: philosophical essence of fractal determinism; existence; phases of relative self-motion of the final phenomena of existence; forms of determinism.

The problem of determinism: the essence and structure of the spiritual determination. Part III.

This article continues to explicate the most difficult issue in the problem of determinism, that is the essence of spiritual determination. To the author's opinion, spiritual determination consists of both cognitive and non-cognitive chains and forms of determination. Cognitive forms include ideal, informational, representational and goal-oriented determinations; non – cognitive forms include ideational, hormic, existential and ideomotor determinations. Other forms are also possible.

Key words: spirit as a philosophical category; spiritual determination; person; reflection of reflections; phenomenon of reverse causation; emergence; enactivism.

Gennady P. Menchikov –

Doktor of Science (Philosophy), professor of the Chair of Philosophy of Kazan Federal University Academic Council of Institute of mass Communications and Social Sciences; Chair of Culture Studies and Philosophy of Kazan State University of Culture and Art; Chair of Philosophy of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan).

Home address: 420061, Kazan. 1/149 Oktyabrskii Gorodok Street, apt.73.

Phone: (843) 273-18-57; 89061143334.

E-mail: menchikovgp@mail.ru